

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ
НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ ЖЕЛАНИЙ

Лариса Соболева
Последняя капля желаний
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33166601

Последняя капля желаний: Издательство АСТ; М.; 2018

ISBN 978-5-17-104237-0

Аннотация

Виктория оказалась совсем одна посреди леса – ее машина сломалась всего в паре километров от дачного поселка! Однако, когда Ия, лучшая подруга Вики, примчалась на помощь, дорога была абсолютно пуста... Ия чувствовала безотчетную тревогу и умоляла своего женатого любовника Рудольфа увезти ее из города. Что-то подсказывало девушке: опасность подступила совсем близко...

Глеб ненавидел Рудольфа за то, что тот увел у него невесту и теперь изменяет ей. Но вовсе не собирался его убивать... Любовь – это не желание обладать, а стремление сделать любимого человека счастливым. Но когда об этом забывают, может случиться непоправимое...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	17
3	29
4	41
5	66
6	77
7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Лариса Соболева

Последняя капля желаний

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая

Предчувствие смерти

1

Мотор заглох. Осталось проехать всего ничего, а он заглох! И в таком дохлом месте, что хоть кричи, хоть плачь – никто не поможет. Некому. Одни лесополосы по бокам листвой шумят, нагоняя уныние. Конечно, Виктория, которую гаишники постоянно путают с мальчишкой, укравшим у папочки авто, несколько раз упорно пробовала завести проклятый мотор, да без толку.

Она открыла дверцу, присмотрелась, куда ступать – здесь же через каждые пять – десять метров поджидают автолюбителей озера грязи, а у нее на ногах модельные туфли и время осеннее. Ей относительно повезло: застряла между лужами. Виктория достала из бардачка фонарик (к счастью, он есть и батарея не разрядилась), открыла капот и посветила на внутренности машины. Действие абсолютно бесполезное, так как она ровным счетом ничего не понимает в аккумуляторах, свечах, проводах неясного предназначения, трубочках... Ну, потрогала пальчиком некоторые детали, держатся они крепко, и что дальше?

– Какого черта тебе надо? – отчаявшись, захныкала Виктория. – Тебе же года нет! В салоне обещали, что у меня проблем с тобой не будет три года, три! Вот сволочи, везде дурыт. Ну, заведись, ну, пожалуйста...

Не-а, не завелась. Виктория закурила, хотя уже неделю не брала в рот сигарет, но, может, вместе с никотином поступит в мозг и дельная мысль, как ей быть. Бросить машину – ни за что! Угнать ее как будто некому, но все равно оставлять страшновато, обязательно найдется какая-нибудь тварь и открутит колеса. А позвонить?

Вот они, минусы съемного жилья у черта на куличках! Летом – куда ни шло, летом темнеет поздно, народ, как зомби, бродит непрерывно: то с электрички идут, то на электричку, то едут туда-сюда, одним словом, дачный рай. Недавно поселок вошел в черту города, дачники получили разрешение на прописку, поэтому участки охотно покупаются и растут, растут, как грибы, и симпатичные особнячки. Правда, сейчас начался мертвый сезон, постоянных жителей мало. И Виктория с прицелом сняла дачку, чтобы в дальнейшем купить ее, ведь квартиры в городе стоят баснословно дорого, а тут все есть: дом, газ, вода, даже гараж железный! Стоимость пока смехотворная, но цены, сволочи, растут...

– Привет, – затарахтела она в телефон. – Извини, что поздно беспокою, но у меня бедствие, мотор заглох. Не могла бы ты кого-нибудь найти, кто понимает в машинах, и привезти ко мне? Я нахожусь на дороге, осталось пара километ-

ров до поселка.

– Кого найдешь в двенадцатом часу ночи? – Подруга явно не горела желанием помочь.

– И что мне делать, ждать утра? – взвилась она. – Ты подруга или кто? Это же не каприз...

– Ладно, попробую созвониться, жди.

Ну, уже легче. Виктория включила проигрыватель, встала флешку – с музыкой-то веселее. Чем еще разбавить часы ожидания? Едой, конечно, тем более ее фигуре ожирение – бич наших дам – не грозит. Порывшись в пакете с продуктами, Виктория вынула хлеб, ветчину и плюшки. Жаль, ножа нет, предстоит буханку грызть зубами, но теперь она будет знать, что в машине на непредвиденный случай должен иметься туристический набор от ножа до спального мешка.

Вот так сидишь полчаса в темном салоне авто, заедаешь сухомяткой стресс, ублажаешь музыкой слух, опять же нивелируя стресс, и думаешь, что в радиусе километра даже кошки не найдется. Кошки, может, и не найдется, а человека запросто встретишь, вопрос: какого?

Спать не хотелось, это естественно. Только мужик способен уснуть ночью в машине посреди дороги, но и он не раз прикинет, чем ему грозит беспечность. И долго смотреть в одну точку людям несвойственно, Виктории в частности, ее взгляд рассеянно блуждал, пока не задержался на плотной тени, которую обозначила луна, наполовину вынырнувшая из-за туч.

Вначале Виктория подумала, что это остатки трухлявого дерева, посему не испугалась. Но тень возвышалась на обочине отдельно от стены лесопосадки, и привыкшие к темноте глаза мало-помалу различили силуэт, напоминавший человека. Да... вроде вон голова, плечи, а дальше – бревно бревном...

Тень шевельнулась! Тут-то у Виктории и екнуло сердце, а во рту появилась горькая сухость, потому что до нее дошло наконец, что возвышенность на дороге к бревну не имеет никакого отношения, это живой человек.

Мужик.

Явно вперился в нее, наверняка видит лицо, освещаемое приборами, и выжидает. Само собой, на ум приходит только одно: намерения у него далеки от добрых, да он же может сделать с ней все что угодно, она же маленькая, худышка, силенок нет.

А под рукой – ничего, чем она могла бы защититься, тем не менее мозги лихорадочно искали средство обороны. Вот-вот, в машине, помимо туристического набора, обязательно нужно возить и бандитский комплект: битую, нож, файер (чтобы огнем отпугивать всякую шушера), а еще лучше – пистолет.

Пистолета нет, зато есть пилка для ногтей! Виктория судорожно вытащила из сумочки косметичку, из нее – пилку с заостренным концом, зажала ее в кулаке. Теперь надо действовать так: фарами ударить по мужику и, пока он, ослепленный

ярким светом, будет протирать глаза, драпать что есть мочи. Но страшно... Вдруг он не один?

С бешено бьющимся сердцем, тихонько приоткрыв дверцу, Виктория врубила дальний свет... Да! Это мужчина, он заслонился рукой. Она же, опустив ногу на землю и приготовившись бежать, вдруг замерла, когда он крикнул знакомым голосом:

– Выруби свет! Я не бандит.

Виктория почувствовала такой мощный спад напряжения, что попросту упала на сиденье, через минуту ее трясущаяся рука все же переключила свет с дальнего на ближний. Он подошел, разглядев ее, рассмеялся:

– Ты? Вот так встреча... А я смотрю – машина торчит на дороге, за рулем – то ли пацан, то ли девчонка, тебя не узнал. Думаю: подойти – не подойти? Боялся напугать.

– Тебе отлично это удалось, – еле выговорила Виктория, не верившая до конца в свое счастье. – Напугать то есть.

– Ладно, проехали. Что случилось?

– Мотор безнадежно заглох.

– Фонарь есть? (Она молча включила фонарик.) Посвети.

М-да, Виктория – впечатлительная натура, жуткий испуг, потом мгновенное облегчение практически лишили ее сил, однако она вылезла из машины и направила луч фонарика на капот, изумленно спросив:

– Ты откуда здесь взялся?

– К тебе приехал, – копаясь во внутренностях авто, ска-

зал он. – Дело у меня, но об этом позже. Ждал тебя, ждал, решил завтра встретиться, сел в машину, а она не поехала. Представляешь, какое совпадение? Оставил ее возле твоей резиденции и решил пешком добраться до города, там поймать тачку. Так-с, так-с... Ну, чего стоишь? Пробуй завести.

Виктория села за руль, и... мотор приятно заурчал! Теперь только бы доехать и завалиться спать.

– А что там сломалось? – поинтересовалась она.

– Ерунда, деталь отошла, ты все равно не поймешь, – идя к ней, говорил нечаянный, посланный свыше спаситель. – У меня дело обстоит хуже, без серьезного ремонта не обойтись...

Виктория хотела рассыпаться в благодарностях и предложить отвезти его в город или заночевать у нее, да неожиданно для себя буквально захлебнулась первым же словом, не успев понять, что произошло...

Он убрал платок с ее лица, после, взяв девушку за подбородок, повертел стриженую голову в одну сторону, в другую. Удостоверившись, что она полностью отключилась, передвинул ее на место пассажира и сел за руль. Машина мягко тронулась, на черепашьей скорости объезжая лужи, так же неторопливо ехала и по узеньким улицам дачного поселка, который казался вымершим...

– Руди!.. – тихонько толкая мужа в плечо, будила его Олеся. – Рудольф, да проснись же ты...

– Который час? – промямлил он, полагая, что наступило утро.

Главное, выяснить, сколько еще можно поваляться в постели, потом послать жену к черту с приказом разбудить его позже.

– Не знаю, – ответила она. – Ночь. Рудольф, ты не слышишь? Тебе звонят уже третий раз...

Он сфокусировал внимание на звуках и... подскочил как ошпаренный, мигом проснувшись. Третий раз! Неужели Олеська не взяла трубку? Она же сует свой острый нос повсюду, но не взяла и не послушала голос в трубе под кодовым именем «Заместитель-1». У, как повезло. Он схватил мобильник и двинул к двери.

– Можешь здесь говорить, – разрешила Олеся сонным голосом, – я все равно не сплю.

Хм, не спит она. Даже если бы жена лежала трупом, он ушел бы из спальни. Рудольф оставил фразу жены без внимания, открыл дверь, одновременно нажав на кнопку телефона:

– Да, я слушаю...

– Рудик, ты можешь сейчас говорить?

Ах, умница, она достойна восхищения! И вопрос правильный, и голос понизила – все учла Ия. Но его взгляд машинально попал на светящийся циферблат круглых часов, висевших на видном месте, после чего Рудольф забыл ее вопрос, выпалив:

– Ни хрена себе: без пяти два! Что стряслось?

– Только не ругайся, я бы не потревожила тебя по пустякам. Около двенадцати позвонила Тошка, у нее сломалась машина на дороге, недалеко от дачного поселка, она просила привезти мастера. Я обзвонила знакомых, все отказались ехать, некоторые вообще не ответили. Звоню Тошке, а она не берет трубку. Я волнуюсь за нее, но одна ехать туда боюсь, вдруг случилось что-нибудь ужасное? Ру-удик... – протянула она просительно.

– Ясно, – меланхолично вздохнул он, прощаясь с такой естественной и обожаемой потребностью, как сон, теперь о подушке и кровати придется забыть до позднего вечера. – Ты хочешь, чтобы я приехал и мы отправились к Тошке? Собираюсь и еду.

– А дома что скажешь? – озаботилась Ия.

– Какая разница? Короче, жди.

К тому времени он уже был внизу, кинул трубку на диван, потер лицо ладонями, затем провел растопыренными пальцами по волосам, дабы пробудить спящие мозги и сообразить, с чего начать сборы. Напольные часы пробили два раза, кстати, дом набит ими – большими и маленькими, это напоминание о быстротечном времени, которое нужно беречь, а не бездумно тратить.

Рудольф метнулся в гардеробную, взял джинсы, свитер, туфли и куртку, задумался, вычисляя время, которое предстоит затратить на поездку. Наверняка в этой же одежде при-

дется и на работу отправиться, а он всегда являлся живым примером для подчиненных, требуя и от них официозного стиля: костюм, рубашка, галстук. Но сейчас удобства превыше капризов, да и в офисном кабинете у него висит костюм на непредвиденный случай, Рудольф начал одеваться.

Заскрипела дверь, слышались легкие шаги, но он не поднял голову, чтобы посмотреть, кто идет. Кто может идти: она, жена. Звонила любимая женщина, поэтому отказать ей он не мог, к тому же побыть с ней несколько часов – это праздник, который Рудольф надеялся узаконить в недалеком будущем. А по лестнице спускалась давно нелюбимая женщина, она об этом еще не знает, но он подозревал, что догадывается, если же не догадывается, тогда у Олеськи интеллекта на копейку, а интуиция в минусе. Именно на семью Рудольф зря тратит драгоценное время, не все в этом мире легко дается.

– Куда ты ночью? – задала она идиотский вопрос.

– К любовнице, – получила такой же идиотский ответ, зато правдивый, но Олеся не поверила:

– А серьезно?

– Считаешь, меня посмели бы вызвать среди ночи без серьезных причин? – раздраженно бросил Рудольф, затягивая «липучки» на туфлях.

Собственно, его раздражение Олеся оправдала: кому понравится, когда не дают спать? Она жена понятливая, не упрекнув дорогого и любимого мужа за такой тон, спросила:

– За тобой приедут?

– Нет, поеду на своей машине.

– Тогда иду варить тебе кофе.

Как же его тошнит от ее заботы, самоотдачи, преданности, любви, как весь этот семейный очаг вместе с долбаным счастьем его достал – между прочим, очагом еще называют заболевание, центр землетрясения, пожар. В общем, это слово несет отрицательный заряд. Тошнит и от приторно-сладких губок с глазками, вопросительно приподнятых почти бесцветных бровей, естественного румянца и кудряшек вокруг кукольной мордашки.

– Обойдусь, иди спать, – буркнул Рудольф.

– Как это обойдешься? – не сдалась Олеся. – Все нормальные люди спят, а тебе за руль предстоит сесть, кофе хотя бы взбодрит. Не спорь, десять минут ничего не решат.

Он смотрел ей в спину исподлобья, разминая пальцы, будто им чего-то не хватало, и раздумывал, как и когда сказать, а главное – что? У него не было повода придраться, предъявить претензии, хотя он искусно моделировал ситуации, провоцируя жену вспылить, высказать упреки, защитить свое «я». Любой значимости скандал (даже ничтожный) он использовал бы в свою пользу, развил бы его, раздул и тем самым получил бы право обрести собственную свободу. Но Олеська не давала повода, не поддавалась на провокации, на все его хамские выпады у нее не было заготовлено извинение, хотя он ни разу не додумался попросить прощения: он

много работает, ему тяжело, он устал. А без повода как-то трудно с ней порвать, ведь по большому счету Олеся ничего плохого ему не сделала, к тому же четырнадцать лет из жизни не вычеркнешь, просто за эти годы жена Рудольфу осточертела.

– Вот твой кофе.

Перед носом Рудольфа появился небольшой поднос с чашкой на блюдце. Она знает, сколько сахара класть, какой крепости кофе он любит, наверняка успела остудить его до нужной температуры. С внутренним стоном, к счастью, не прорвавшимся наружу, он взял чашку и начал пить, обжигая рот, дабы покончить с этой процедурой в считанные секунды.

– Может быть, бутерброд? – предложила Олеся.

– Ну, кто ест в два часа ночи? – недовольно фыркнул он.

Недовольство дома – это теперь его основная манера поведения, а жена ничего не замечает, ничего не чувствует. Толстокожая. И глупая. О, как Олеська глупа, невыносимо глупа, вся ее бессмысленная жизнь наполнена глупостью. Рудольф поставил недопитый кофе на поднос, подхватил с дивана телефон...

– Права, ключи, деньги взял?

Олеся всегда напоминает ему про мелочи, между тем он не страдает забывчивостью, но таким образом жена подчеркивает свою необходимость ему, что тоже выводит его из себя. Рудольф, ни слова не говоря, двинул в прихожую, взял кейс, но Олеся настигла его и там:

– Платки забыл.

Сунув ему два отутюженных носовых платка, она чмокнула его в щеку на прощание, не получив ответного и благодарного поцелуя. Нет, он не разлюбил ее, он никогда (!) не любил ее.

Рудольф вылетел во двор и, когда шел к гаражу, мысленно ругал свою трусость и давал себе обещание, что сегодня вечером поставит Олеську перед фактом. Впрочем, такие обещания он дает каждый день, но обязательно что-то мешает воплотить их в жизнь, можно подумать, некая сила нарочно ставит ему препоны. Только когда выехал на улицу, Рудольф почувствовал себя вольготно.

С Ией все по-другому. Одно присутствие ее в машине поднимает настроение, ночь уже не ночь, а начало нового дня, за которым видятся желанные перемены. Когда она рядом, Рудольф полон решимости и смелости, недавние терзания кажутся ему ерундой, не стоящей стольких мук. А почему, собственно, он должен мучиться в свои тридцать шесть? Это его жизнь, он вправе строить ее так, как хочет.

А хочет он Ию, с ней у него много общего – она работает у Рудольфа заместителем по коммерческим вопросам. Звучит круто? Но Ия стоит того, хотя он рисковал, когда брал ее сразу на эту должность без многолетнего опыта работы по данной специальности. Увидел, поговорил и взял. Кстати, не прогадал, Ия – действительно ценный кадр: умная, грамотная, креативная, а красивая – упасть и не встать. Вообще-то и он тоже не подкачал: высок, черноволос, черноглаз, харизматичен и успешен, недаром же бабы виснут на нем. И он беззастенчиво пользовался мужским обаянием, больше тащился от себя, чем от бабья, но Ия расставила другие акценты. Сейчас Рудольф понимает, что спекся еще во время собеседования, потом три месяца накручивал вокруг нее педали, сужая круги, а секс случился на корпоративной пьянке в его же кабинете. Короче, ему пришлось потрудиться, добиваясь ее.

Думал, страсть утолена, можно вернуться к привычному распорядку и ритму жизни без встрясок, как это происходило раньше после внезапных случаев. Но через день появилась Ия, а он вновь ощутил непреодолимое желание целовать сладкие губы и лебединую шею, сжимать гибкое тело, видеть, как она в экстазе прикрывает глаза песочного цвета с черным ободком вокруг радужки и млеет, как рассыпаются ее лимонные волосы по шелковой зелени подушки. До конца рабочего дня Рудольф не дотерпел, отвез ее в гостиницу. С тех пор прошло полгода, влечение не ослабло, напротив, усилилось, на других женщин его не тянет, это означает, что выбор сделан, и окончательный. Мало того, в Рудольфе произошли перемены, он стал другим, а измененному человеку нужно и жизнь начать сначала, перечеркнув прошлое.

– Сбавь скорость, мы подъезжаем, – сказала Ия, высунув свой прямой и тонкий носик из пушистого ворота-стойки.

– Считаешь, мы не заметим машину твоей подруги? Дорога-то пустая.

Она оделась, как и он, в джинсы и свитер, только ее свитер был из пушистой желтой пряжи, почти под цвет волос. Рудольф не выносил в быту желтизну, усматривая в данном колере безвкусицу и показуху, мол, нас окружает радость, выраженная в солнечном тоне. Олеська с маниакальным упорством обставляла себя барахлом желтых оттенков, несмотря на запрет мужа, за одно это ее убить мало. Но Ия в желтом свитере – это нежность, весеннее тепло, первоцвет на зеле-

ной лужайке – совершенно другие ассоциации.

Рудольф так и не сбавил скорость, он, как всегда, экономил время, это вошло у него в привычку. Сейчас найдут Викторию, возьмут на буксир ее колымагу, доставят по адресу и поедут на квартиру, которую он купил для встреч с Ией, а месяц назад она туда переехала, расставшись с мужем. Но у нее проблем меньше: детей нет, нет и общего имущества, которое бывшие супруги пилят при разводе, хищно кляца зубами, к тому же брачный стаж мизерный, всего два года.

– Вот и дачи, – заметил он, притормозив. – Где же твоя Тошка?

– Может, ей помогли добраться? – Ия тоже недоумевала. – Но почему она не позвонила мне? И на звонки не отвечает... Поехали к ней, я не успокоюсь, пока не увижу ее.

– Показывай дорогу.

Добравшись до участка, Рудольф заглушил мотор и остался в машине, полагая, что Ия надолго не задержится. Поскольку ни в одном домике не светились окошки, а фонарный столб возвышался далековато, он не погасил фары. Ия увидела, что навесного замка на воротах нет, и обрадованно сообщила:

– Тошка дома!

Ну и отлично. Рудольф развалился в кресле, прикрыл веки, размечтавшись, как сейчас они отправятся на квартиру и остаток ночи проведут за приятнейшим занятием.

Домишко был маленький, одноэтажный, но пригодный

для жилья, а не садовый сарай, предназначенный для хранения урожая и ночевки в летний период. В нем четыре крошечные комнатухи, одна из них кухня и одновременно столовая, именно там Виктория оставляла гореть свет на ночь, но это окно сейчас чернело беспросветностью.

Несколько раз Ия постучала в дверь, потом, зная, в какой комнате спит Виктория, настойчиво колотила по стеклу, которое откликнулось дребезжанием – рамы-то старые, стекла в них держатся непрочно. Не получив в ответ ни звука, она осмотрела окно и недоуменно пожала плечами. Дело в том, что Виктория на ночь в спальне оставляет открытой форточку, причем в любое время года, сейчас форточка закрыта. Ия вернулась к машине и попросила Рудольфа:

– Достань, пожалуйста, телефон из сумочки. Ничего не пойму: такое ощущение, будто ее нет дома.

– Может, правда нет?

– Но ворота открыты! – возразила Ия, набирая номер подруги. – А они закрываются на цепь, которая фиксируется амбарным замком... Я подойду к окнам и послушаю, если Тошка в доме, услышу мобильник, мало ли что могло случиться.

Он выбрался из машины, поежился – было свежо. К тому времени Ия уже стояла у дома и прислушивалась, надеясь уловить звуки мобильного Виктории. Рудольф зашел на участок, огляделся, и его осенило:

– А если она еще утром забыла закрыть ворота?

– Виктоша никогда и ничего не забывает. Я к тому окну подойду. – Ия свернула за угол, и оттуда раздался ее голос: – И куда бы она делась с дороги? Допустим, ей кто-то помог починить машину, куда она поехала бы? Либо ко мне, либо сюда. Сюда ближе... Ой, в голову лезет всякая дрянь.

Рудольф шел на ее голос, да вдруг приостановился, не понимая, откуда идет слабый звук мелодии. Слишком коротко она прозвучала, внезапно оборвалась, и он крикнул:

– Ну-ка, вызови Викторию еще разок.

– А что? – выглянула из-за угла Ия.

– Кажется, я слышал мелодию, если это не радио или музыкальный центр где-то поблизости, то... Звони!

Ия нажала на кнопку мобильного, направилась к нему, оступилась и едва не упала, ибо внимание ее было сосредоточено на Рудольфе, который поднял руку: мол, тише. Она застыла на месте, но ничего не слышала. Зато он услышал, сделал на звук шаг, второй, потом указал на гараж:

– Если не ошибаюсь, из этой коробки...

Он не договорил, кинулся к гаражу, попытался открыть ворота, да не тут-то было. На земле лежало кривое бревно, оно подпирало створки. Рудольф приподнял его, оттащил в сторону и распахнул сначала одну створку, затем другую, из гаража хлынула волна выхлопных газов.

– Принеси фонарь, он в багажнике, – бросил Рудольф.

Понимая, что медлить нельзя ни секунды, он, натянув на нос ворот свитера, ринулся внутрь. Рудольф ошупал руками

автомобиль, дверца со стороны водителя была приоткрыта, он распахнул ее, в этот миг ударил сбоку яркий луч, Ия нервно спросила:

– Она в машине?

– Вызывай «скорую»!

Рудольф вытащил из салона бесчувственное тело Виктории, поднял на руки и вынес на воздух. Она была щуплая, невысокая, похожая на мальчика-подростка, а оказалась весьма тяжелой. Рудольф отнес ее подальше от гаража, уложил прямо на землю, пощупал пульс на шее, потом наклонился и послушал грудь, но стука сердца не услышал. Она не дышала.

– Еле объяснила, куда ехать, надо бы их встретить... – произнесла Ия, присев рядом. – Что с ней, Рудик?

– Угорела.

– И что теперь? Она жива?

Рудольф неразборчиво что-то произнес, покачав головой и от растерянности потирая бедра. Но Ия поняла, непроизвольно вскрикнула, мелко-мелко задрожала, но холод здесь был ни при чем. Приподнявшись, Рудольф взял Ию за плечи, притянул к себе, коснувшись лбом ее лба. Между ними лежала бездыханная Виктоша, как немой укор: мол, вы-то живы, а я тут валяюсь, неужели ничего не сделаете для меня? А ведь она в их романе не последнюю роль сыграла.

– Попробуем сделать искусственное дыхание, – сказал он, ему очень хотелось утешить Ию. – Но, думаю, это бесполез-

но, выхлопные газы...

– Рудик, умоляю...

Ия заплакала. Конечно, столкнувшись с такой нелепой смертью, трудно поверить, что помочь уже нельзя. Ведь неизвестно, когда смерть наступила, вдруг минуту назад, может быть, есть надежда? Рудольф снял куртку, отдал Ие, сдвинул рукава свитера к локтям и приступил...

...Жанна впустила сестру в квартиру, шикнув:

– Тихо, Глеб недавно заснул, он с ночной смены.

Сестры обнялись, суетливо расцеловались, после чего Санька подняла два тяжелых баула и шепотом спросила:

– Здесь подарки, а тут мои вещи, куда их нести?

– Вещи в комнату, оставь пока, потом разберешь. А это что?

– Продукты.

– Тогда на кухню. Ну и тяжесть. Зачем столько-то?

А что еще могут передать родители, промышляющие подсобным хозяйством? Только натурпродукт без химии, пестицидов и прочей дряни. Санька вынимала из баула стеклянные банки, завернутые в газеты, чтобы не побились, пакеты и отдавала сестре:

– Сало, дед соломой коптил. Это мясо, залитое смальцем. Вот окорок, дед солил... Это колбаса домашняя, не бойся, не пропала, тоже в смальце. Курица копченая. А в бидоне яйца.

– Ужас, как ты все это дотащила? – поражалась Жанна.

– Не все. Я хоть и взяла такси, но сумку с яблоками и грушами в камере хранения оставила, к сожалению, у меня две руки, а таксомоторы аж на площади.

– Почему не сообщила точное время, когда приезжаешь? Глеб встретил бы...

– Сама, как видишь, справилась.

Да, Санька такая: лишний раз не попросит об одолжении, не станет утруждать кого бы то ни было, самостоятельная с пеленок. Переправляя продукты в холодильник, а места там оказалось недостаточно, Жанна поглядывала на младшую сестру с интересом, оценивая изменения, которые произошли за два года – именно столько они не виделись. Сейчас на разъезды особо не потратишься, дорого, если бы они оба работали, было бы проще, но пашет один Глеб.

– Ты изменилась, – заметила она. – Серьезной стала, деловой и... взрослой. Очень взрослой. Не пугайся, я же не сказала: постарела.

– Я не пугаюсь. С мужиками работала, вот и повзрослела, – улыбнулась Санька. – С ними надо себя правильно поставить, мне это удалось, они даже матом ругались очень редко.

– Достижение, – усмехнулась Жанна. – Почему замуж не вышла, находясь среди такого цветника?

– Не берут, – фыркнула Санька. Кажется, она легкомысленно относится к своему незамужнему положению, хотя находится на критической отметке, двадцатичетырехлетний

возраст не предполагает множества женихов. – А вы почему до сих пор не расписались? Пять лет – достаточный срок, чтобы определиться.

Осекшись, Жанна присела на табуретку, но ведь сама бес тактно полезла в ее душу, наверняка затронув болезненную тему, вот и получила такой же встречный вопрос. Однако Санька спросила без задней мысли, хитрить и подначивать она не умеет, следовательно, заслуживает правдивого ответа, поэтому Жанна честно сказала:

– Я не хочу. Да, я. Семья – это когда дети, а у меня не получается... Не хочу сковывать Глеба штампом. Если и на этот раз не получится, сама предложу расстаться. Ему уже тридцать шесть, у него давно появилась потребность стать отцом, а я его слишком люблю, чтобы лишиться этой радости...

– Так ты в положении? – обрадовалась Санька.

– Я бы сказала, опять, – далеко не радостно вздохнула Жанна. – Почти четыре месяца. Как я рада, что ты приехала, теперь спокойно лягу на сохранение, а на тебя взвалю хозяйственный воз, уж извини.

– Запросто! Обещаю сохранять тебя до самых родов. Мне бы только на работу устроиться, на вашей шее сидеть я не намерена.

Обе вздрогнули от неожиданности, в их тесный кружок шумно влился Глеб и сгреб Саньку в охапку:

– А я гадаю, кто это шушукается? Мы ждем, когда она сообщит о приезде... Кстати! Теща передала зятю презент

собственного изготовления?

– Конечно! – Санька вырвалась из его объятий. – Сейчас принесу.

Через несколько секунд она вернулась, поставив на стол две бутылки «огнетушителя». Жанна недовольно поморщилась, а Глеб восторженно принял подарок, одну бутылку оставил, уселся и командным голосом рявкнул, тем самым отсекая всяческие протесты со стороны Жанны:

– Жена, где рюмки? Тебе нельзя, а мы с Санькой...

– А я не пью, – заявила гостья. – Ты забыл, я же от кваса пьянею.

– Жаль. Ну, мне больше достанется. – Он поднял полную рюмку, посмотрел на свет и остался доволен: – Как слеза! Главное, ядов, вредящих здоровью, ни капли нет. Это я говорю для тех, кто мечет из глаз молнии, – он покосился на Жанну. – За вас, мои красавицы!

Глеб нисколько не преувеличил, девчонки были породистые, как скаковые лошадки, но при всем при том, как говорится, на любителя. Так ведь любая красота – понятие растяжимое, посему не всех в общепризнанном эталоне она трогает, имеются и другие предпочтения. Жанну и Саньку Глеб считал красавицами, а что?!

Обе крупные, в идеальной форме (с мужской точки зрения), во всяком случае, не надо при помощи лупы искать грудь, у девчонок все на своих законных местах. И лицами схожи: губы алые без помады, выпуклые и резко очерчен-

ные, глаза у обеих цвета корицы, ресницы и брови черные, лбы высокие, русые волосы густые. Стоит взглянуть на них, и сразу понимаешь: это родные сестры, но при всей схожести они абсолютно разные.

Дело даже не в прическе. У Саньки длинная стрижка «в свободном полете», то есть волосы как бы взбиты, пряди небрежно уложены, отчего широкоскулое лицо с крупными чертами выглядит дерзким. У Жанны, наоборот, волосы зачесаны назад без всякой челки, поэтому тот же овал лица смотрится более женственным. Да и сама она мягкая, несколько безвольная, но далека от воплощения мужских грез: чтобы жена была не больно языкастой, не напоминала электропилу, основную часть жизни проводила на кухне и мужа обожала. Мужа она обожает, на кухне разве что не спит, а покомандовать любит и пилит его изредка.

Санька тоже явно не из отары покорных овечек, однако понимаешь это, когда узнаешь ее поближе или в определенных обстоятельствах. Многие спокойной девушке приписывают нордический характер и не подозревают, что она упряма, решительна, строптива, не боится рисковать и себя очень уважает.

Глеб с наслаждением закусывал окороком и слушал жизнеописание в формате Тмутаракани, жутко неинтересное, потому что банальное. Санька, приехавшая искать место под солнцем, еще не знала, что Тмутаракань мало чем отличается от города-миллионщика, жизненные принципы-то везде

одни и те же.

А она по-хорошему завидовала Жанне, у нее же есть Глеб – большой, добрый и любящий, надежный. Бывают люди, которым безраздельно доверяешь, посмотришь – вроде бы ничего особенного в них нет, обычное лицо, каких тысячи, но выделяешь только таких, как Глеб. Однако Саньке не понравился настрой Жанны, он встревожил ее. Нет, нет, теперь младшая сестра будет рядом и заставит ребенка родиться, иначе Жанна сделает несчастной себя и Глеба, а они этого не заслуживают.

Планы Рудольфа полетели в тартарары. Особенно обидно стало, когда небо посветлело, а конца выяснениям не было видно.

Врачи вызвали полицию, мол, так надо, ибо смерть наступила при невыясненных обстоятельствах, пусть те, кому положено, выясняют, сама ли женщина погибла, или ей помогли. Господа полицейские появились, и началось!

На Рудольфа наехали: как посмели вытащить труп на улицу! У того поначалу челюсть отвисла, поэтому на идиотскую претензию, противоречащую общечеловеческой морали, он не в состоянии был дать отпор. Увидев потрясенную физиономию Рудольфа, зареванная Ия чуть не с кулаками кинулась на тупорылого типа при исполнении:

– По-вашему, мы не должны были пытаться спасти Викторию? А если бы на ее месте оказались ваша жена, дочь, мать? Вы бы спокойно ждали, когда она окончательно умрет в этой газовой камере?

– Ия, успокойся. – Рудольф обхватил ее руками и крепко прижал к себе, но она в ярости вырывалась:

– Нет, пусть ответят! Вы бросили бы друзей умирать? Мы вытащили ее, потому что надеялись... потому что не знали... хотели...

И море слез выдала, искренне горюя.

– Ну, все, все, – крепче прижал ее к себе Рудольф. – Ия, мы с тобой сделали то, что сделал бы каждый на нашем месте, успокойся.

Мало-помалу она перестала рыдать, обняла его за шею, так они и стояли, пока эксперты осматривали труп и гараж.

Труп... Виктория не старуха, не болела, курить бросила, не пила, еще днем Ия обедала с ней в кафе, и вдруг она уже никто, тело, которому не удалось вернуть дыхание, а значит, жизнь. За короткий отрезок времени смерть успела изменить лицо Виктоши своею беспощадной рукой и нанести специфические отметины, которые не позволяют ошибиться, принять труп за живого человека. На это было страшно смотреть, поэтому Ия спрятала лицо на груди Рудольфа.

Некоторое время спустя старший группы отозвал его, но Рудольф сначала отвел Ию в машину, после чего мужчины уселись на ступеньки крыльца. Второй полицейский пристроился рядом, уложил на колени папку с чистыми листами, приготовился записывать.

– Рассказывайте, как и почему вы здесь оказались, как обнаружили труп, – тягуче выговорил старший группы.

Рудольф умел излагать лаконично и в достаточной степени убедительно, чтобы стражи порядка не стали пытаться его дополнительными вопросами. В сущности, картина была ясна, ведь следов насильственной смерти не обнаружено. Это не первая и не последняя смерть в автомобиле, двигатель которого работает в гараже, хотя автолюбителям должно быть

известно, какую опасность представляют выхлопные газы в закрытом помещении. Выходит, грамотных много, а знаний мало. К тому же спозаранок у старшего группы не очень-то голова варила, чтобы задуматься над нелепостью этой смерти.

– Весной тоже было два трупа в гараже, – сказал молодой человек, записывающий показания Рудольфа. – Мужик с бабой не нашли другого места, где заняться сексом. Оба насладились, видимо, решили отдохнуть, задремали и не проснулись. Сын мужика обнаружил трупы, а жена отказывалась его хоронить, обиделась на покойника за измену.

Рудольфу были глубоко безразличны угоревшие любовники, он чертовски устал, как-никак трудился долго, пытаюсь оживить Викторию, а шел уже восьмой час утра, и он мечтал поскорее сесть в машину да укатить отсюда.

– Прочтите и распишитесь, – сказал старший группы, зевнув. – И позовите вашу жену...

– Прошу вас, не сегодня, – запротестовал Рудольф. – Вы же видели, в каком она состоянии. Это произошло неожиданно очень... Обещаю привезти ее в райотдел, когда она хотя бы немного придет в себя.

Он начал читать, плохо разбирая чужой почерк, в это время к ним подошел сухощавый мужчина в дымчатых очках, как понял Рудольф, один из экспертов, во всяком случае, на его долю выпала большая часть работы:

– Как будто все чисто, но...

– Что – но? – насторожился старший группы, усмотрев за недосказанностью сомнения по поводу «чистоты» смерти.

– Никак не могу понять, зачем она осталась в гараже.

– Действительно, – встрепенулся Рудольф, не заостривший внимания раньше на этой странности. – Она же домой приехала...

– Ворота открываются наружу, – рассуждал криминалист, – значит, девушка заехала в гараж, вышла из машины, не заглушив двигатель, и прикрыла ворота. Затем она вернулась обратно в салон и, получается, ждала смерти. – Он обратился к Рудольфу: – Когда вы приехали, двигатель еще работал?

– Нет, – ответил тот. – Думаю, заглох перед самым нашим приездом, потому что когда мы открыли гараж, то, стоя на воздухе, чуть не задохнулись от выхлопных газов.

– А как вы догадались заглянуть в гараж?

– Ия звонила Виктории, хотела убедиться, что она дома, раз уж мы приехали. А я стоял возле гаража и слышал ответный слабый сигнал. Кстати, дверца машины была приоткрыта.

– А на каком месте она сидела?

– За рулем. На водительском.

– Самоубийство, – тягостно вздохнул старший группы.

Самоубийство хуже несчастного случая. Предсмертной записки с известным текстом «В моей смерти прошу никого не винить» не нашли, стало быть, предстоит покопаться. Как

правило, доказать, что человека довели до суицида, крайне сложно, практически невозможно, но потратить силы и время придется, потому и затосковал старший группы. Однако криминалиста в дымчатых очках что-то не устраивало в этой версии, он пристал к Рудольфу:

– А лично у вас какая идея возникла насчет смерти де-вушки? Ведь ваша жена – ее подруга, она, наверное, успела поделиться с вами соображениями, пока вы ждали нас?

– Да какие там соображения, – вяло отмахнулся Рудольф. – До приезда «скорой» мы пытались оживить Викторию, потом врач констатировал смерть, у Ии началась истерика... сами понимаете. И у меня идей никаких не возникло... хотя... хотя...

– Вам что-то показалось странным? Что?

Рудольф припомнил, как открывал ворота гаража, ведь именно тогда появился некий раздражитель. Да-да, что-то ему мешало... Пришлось детально восстановить в памяти каждый шаг, и он вспомнил:

– Бревно. Вон оно лежит, я его отодвинул...

– Отодвинули? – заинтересовался криминалист. – Почему вы его отодвигали?

А ведь этот кривой ствол многое объясняет, и Рудольф встал и пошел к нему, дабы наглядно показать, как он лежал, одновременно рассказывая:

– Я услышал сигнал мобильного и кинулся открывать гараж, взялся за ручки створок, но мне что-то помешало. Я

сразу почувствовал: ворота не заперты, а помеха внизу. Ею оказалось это бревно, оно лежало...

От волнения Рудольф не мог подобрать нужные слова, изобразил руками, разводя их в стороны и сводя вместе. Эту пантомиму перевел на русский язык криминалист:

– Поперек.

– Да! – прищелкнул пальцами Рудольф. – Я его отодвинул. Мне кажется, оно по какой-то причине упало и придавило ворота. Виктория просто не смогла их открыть, села в машину погреться и...

Криминалист походил вокруг бревна, почесывая подбородок и посматривая на гараж, кажется, в рассказе свидетеля его что-то не устраивало. Рудольф следил за его глазами и понял – что упасть стволу было неоткуда, а у входа в гараж все возможные подсказки оказались затоптаны.

– Может, с крыши? – неуверенно предположил он.

– Маловероятно, – сказал криминалист. – Крыша плоская. И еще: чтобы упасть, бревно должно было лежать на самом краю, практически свешиваясь искривленной серединой. Тогда от удара ворот, может быть, и упало бы... Но какой же дурак положит увесистую дубину над своей головой? К тому же она мешала бы закрывать и открывать гараж.

Вопрос остался открытым, а нужно было вычислить точно, откуда взялось бревно, поэтому криминалист изучил гараж со всех сторон, нашел отметину в земле, выпятил губу. Понятно: ствол стоял на углу гаража. Криминалист присел

перед вмятиной, она его очень заинтересовала, тем более что рядом с этой вмятиной была другая, по которой несложно было вообразить траекторию падения. Криминалист сделал несколько снимков этого участка земли, потом попросил помочь поставить бревно, как оно должно было бы стоять, после чего аккуратно опустил его по вмятине на землю и показывал головой:

– Упасть, как вы говорили, и подпереть ворота оно не могло.

– Но я его сам убирал, – возразил Рудольф. – Бревно лежало вплотную к воротам.

Криминалист потребовал уложить ствол, как показал свидетель, сам же перед этим зашел в гараж, закрыв створки. Уложили. Несколько толчков изнутри по воротам и – эксперт вышел на свободу.

– Я не прикладывал силы, чтобы открыть створки, – сказал криминалист. – Значит, Виктория могла выйти, толкнув ворота, но не вышла.

– Что ты хочешь сказать? – возмутился старший. Возмутился именно потому, что понял наконец, к чему ведет коллег.

– Заводи уголовное дело, это не несчастный случай и не суицид.

– Ее что, убили?! – вытаращился Рудольф.

Криминалист развел руками, дескать, другой версией здесь и не пахнет, потом подкрепил жест словами:

– А как вы думаете, она могла закрыть сама себя, подперев ворота снаружи стволом дерева? Это первое. Второе, я уже говорил: выйти из гаража для нее не составило бы большой проблемы, она бы вышла, если бы была в сознании.

– В сознании? – недоумевал Рудольф. – То есть?

– Она находилась в бессознательном состоянии, – пояснил старший. – Не исключено, что ее отравили, потом посадили в машину.

– Травили или нет, покажет вскрытие, но определенно что-то с ней сделали, – убежденно сказал криминалист. – Мне кажется, убийца пытался симитировать несчастный случай. Думаю, он надеялся, что труп обнаружат не скоро. Если бы ее подруга Ия приехала через пару дней, она, увидев бревно, подпирающее ворота гаража, не заглянула бы в него, батарея в мобильнике разрядилась бы, и неизвестно, через какое время нашли бы девушку.

Рудольф с некоторым облегчением отъехал от злополучной дачи, тяжкое это дело – обнаружить труп знакомой, хотя Викторию он знал всего ничего, однако мнение о ней успел составить. Славная она была, во всех отношениях приятный человек, обычно подобные люди пользуются доверием окружающих, такие на сегодняшний день штучный товар. Один недостаток она имела – весьма скромную внешность пацанки. Может быть, поэтому Виктория не вышла замуж, а ей недавно исполнилось тридцать четыре. Да где ж ей тягать-

ся с красотками, отбирающими у скромниц потенциальных женихов? Мужчины вначале видят картинку и только потом заглядывают за нее.

Он покосился на Ию – бледная, поникшая. После того как возникло предположение, что Тошку кто-то умертвил в газовой камере, старший группы снова рвался допросить Ию, но Рудольфу и на этот раз удалось уговорить его повременить. Надо бы ей сказать...

– Как ты? – поинтересовался он.

– Не спрашивай, – пробормотала Ия, у нее задрожали губы. – Не могу поверить... какая-то дурацкая смерть... Знаешь, до сегодняшнего дня мне казалось, что я и мои друзья, которых я люблю, никогда не умрут, что мы вечные. Ну, почему она? И почему так? Тошка была аккуратной, педантичной, никогда ничего не забывала. Как она попалась так нелепо?

– Попалась? Это правда, она действительно попалась.

– Не понимаю, ты о чем? Тебе стало что-то известно?

– Не буду скрывать... Короче, возникла версия, что это не несчастный случай.

Ия почти лежала в кресле, но после фразы Рудольфа она выпрямилась, заглянула ему в лицо и обеспокоенно спросила:

– Не несчастный? Только не говори, что им... – указала она пальцем назад, имея в виду стражей порядка, – пришла в голову безумная идея, будто Тошке подстроили смерть.

– Видишь, и тебе то же самое пришло в голову.

– Что, это правда?! Они считают, будто Тошку...

Даже выговорить «убили» было жутко, страшно. Обычно это слово где-то там в телеке остается, за сухими новостными сводками, кажется, что это происходит на другой планете, на худой конец, в другой стране. В какой-то мере к словам «убийство», «убили» люди привыкли, ибо упоминаются они все чаще и чаще, тем не менее они не доходят полностью до сознания.

– Ну, похоже, похоже. – И Рудольфу не давались эти чуждые слова, их, конечно, придется произнести, но сначала нужно к ним привыкнуть.

– Кто? За что? – растерялась Ия. – Нет, невозможно. Тошка... она же никому не причиняла зла.

– Значит, кому-то помешала. Ты же не находилась с ней двадцать четыре часа в сутки, следовательно, всего знать не можешь.

Молчание Ии не означало согласие, но, прежде чем возражать, она проанализировала свои последние встречи с Викторией. Они были ближайшими подругами с детства, а длительная дружба нередко перерастает в родственную связь, когда люди друг друга чувствуют на подсознательном уровне. Последний пример: Ия места себе не находила после звонка Виктории, поэтому решила позвонить Рудольфу и отправиться за город, а она никогда не звонила ему, если он находился дома. Что, как не подсознание (ну, пусть интуи-

ция), руководило ею?

Если бы у Виктории возникли проблемы, то первой об этом узнала бы Ия, но ничто ее не насторожило. Разве не заметила бы она натянутость, спад в настроении, затуманенный грустью взгляд, какой бывает у людей, отягощенных заботами, тем более смертельной опасностью? Что-то же должно было стать предвестником убийства? Или Виктория этого не чувствовала? Быть того не может. Теперь у Ии нашлись аргументы:

– Я, конечно, не находилась с ней все двадцать четыре часа, но, поверь, знаю ее как себя. С сомнительными личностями она не водилась, тайн никаких не знала, свидетельницей преступлений не являлась, иначе я была бы в курсе. Тошка всегда советовалась со мной, прежде чем что-то сделать. Нет, Рудик, я бы знала, если бы она куда-то вляпалась.

– Тем не менее. Сначала опера думали, что это несчастный случай или самоубийство...

– Самоубийство исключено, – категорично заявила Ия. – Тошка выплатила кредит за машину и собирала документы, чтобы взять очередной кредит и купить эту проклятую дачу.

– Но и на несчастный случай ее смерть не тянет, ей помогли расстаться с этим светом, значит, причина есть. И причина серьезная. Мы сейчас до нее не докопаемся, но будет следствие, думаю, полиция разберется. А у меня есть предложение: едем к тебе и устраиваем себе выходной... пару выходных. М?

Ия порывисто обняла его, что являлось согласием. Да и какая сегодня работа после бессонной ночи и страшного события?

Тепло, солнечно, безветренно, и все же это осень, в парковой зоне она особенно остро ощущалась. Желтизна лишь слегка подкрасила края листьев, но солнце уже залило все вокруг янтарным цветом – это цвет осени, цвет грусти и напоминание: век стал короче на один год.

У Олеси годичный цикл завершала именно осень, а не последний день декабря, наверно, потому что период угасания заставляет взглянуть в себя, подвести итог: а что во мне изменилось? И каждый раз находится новая мелочь, которая неизбежно старит, правда, по чуть-чуть, почти неприметно. Немножко глазки потухли, при улыбке появляются тонкие «гусиные лапки», чуточку кожа подсохла, щечки стали не столь свежи – мелочи, да? Но когда их собирается много, то те, с кем ты давно не виделась, замечают изменения не в степени «чуть-чуть», а гуртом и ахают: «А помнишь, какими мы были...» Не помнит! Не хочет она помнить! Потому что чудится, будто все осталось как во времена непорочной юности, только это не так, тридцать шесть, извините, не шестнадцать. Прибила бы всех, кто обожает воспоминания.

На пяточке открытого кафе Олеся выбрала столик, села, рассеянно осмотрелась и, не заметив ни одного знакомого лица, закурила. Да, она покуривает, если никто не видит. Привычка укоренилась с десятого класса, когда они с дев-

чонками прятались от учителей и родителей, потом обливали себя дешевыми духами, чтобы те не учуяли запах табака. Но сейчас кто вправе запретить ей курить? Никто. Это игра с самой собой в запретный плод, ведь, когда все можно, не хватает как раз чего-то непозволительного.

– Привет, зачем звала?

– Здравствуй, Глеб, – улыбнулась Олеся.

Смотрела она на него, как в зеркало, и видела собственное отражение. Он переменился: заматерел, раздался в плечах, черты лица огрубели, ранняя седина подбелила виски, точь-в-точь как листья, легонько подкрашенные золотом нынешней осенью. Только глаза остались молодыми, такими же прозрачными и магнетическими, но в них появились колючки. В общем, натуральный мужик, причем от сохи, значит, здоровый по всем показателям – что физически, что морально. Неужели и Олеся выглядит теткой? Она полагала, что лет десять может скинуть с чистой совестью, но на одноклассников посмотрит и – впадает в уныние.

– Олеся, ты где? – усмехнулся Глеб.

– Извини, задумалась, глядя на тебя. Давно не виделись...

Сколько лет, не помнишь?

– Не помню.

– А живем в одном городе, – вздохнула она.

Глеб не поддался ностальгическим воспоминаниям и, положив локти на стол и подавшись к ней, спросил:

– Что случилось? Чего тебе вздумалось назначить мне

свидание?

От него требовать любезности бесполезно, он до неприличия прямолинеен, тем не менее подобные Глебу мужчины безумно нравятся женщинам всех возрастов. Они олицетворяют собой ту стену, к которой хочется прислониться, а еще в них не чувствуется порчи. Опять же несовершенство мира налицо: крепких стен все меньше и меньше, а число желающих прислониться к ним неукоснительно растет. Олеся набрала в грудь воздуха, словно готовясь пожаловаться на свою ужасающе безбедную жизнь, во всяком случае, брови ее сошлись на переносице в страдальческой гримасе, но вдруг вышла из образа страдальцы:

– Выпьешь чего-нибудь? Я угощаю...

– За рулем не пью. К делу, Олеся.

– А кофе?

Ну и взгляд он ей послал, хуже только ненормативная лексика. Олеся потупилась, преодолевая порыв извиниться и уйти, и после короткой паузы с трудом выговорила:

– Я, Глеб, виновата перед тобой...

– Да брось ты, какая вина? Эй, – он прищелкнул пальцами, призывая официантку. – Минералки принеси. С газом.

Миролюбивые нотки в его интонации придали Олесе смелости:

– Нет-нет, моя вина есть, у меня это чувство не проходит... Ты ушел в армию, я обещала ждать тебя, но вышла замуж за Руди, а вы враждовали...

Да, загудел он в доблестную на четвертом курсе, подозревал, что родители Олеськи подсуетились, у них знакомств – всем бы столько. Потом вернулся в институт и добил высшее образование, которое ему не пригодилось.

– Когда это было? – вытаращился Глеб. Налив минералки в стакан, выпил и, взглянув на Олесю, пожалел ее: – Если тебе нужно мое прощение, я простил тебя давным-давно.

– А Руди? – вскинула она на него молящие глаза. – Мне кажется, он тоже чувствует свою вину...

– Мне от этого ни холодно ни жарко, – пыхнул Глеб.

– Значит, у тебя не прошло... Понимаю, ты из-за меня пострадал, но мы же достаточно повзрослели, чтобы оставить в прошлом обиды...

Она мямлила, а у Глеба не хватило терпения выслушать до конца эту ахиною, тем более что речь зашла о Рудольфе.

– Заблуждаешься, Олеся. Не ты причина моих бед в прошлом, а моя глупость, то есть доверчивость. И твой муж.

– Но он же искренне хотел загладить свою вину, – заговорила с жаром Олеся, – взял тебя на работу, когда никто не брал...

– По-твоему, я должен ему и тебе за это до конца дней своих в пояс кланяться?

– Я хочу лишь примирения. Мне тяжело, Руди тоже, потому он нервный. Пойми, это же давит на нас... Он сейчас в отъезде, два дня назад уехал внезапно... ночью вызвали, – зачем-то отчитывалась она перед Глебом. – Но приедет зав-

тра! И завтра... мы могли бы... вечером встретиться у нас, посидеть, прийти к согла...

Она осеклась на полуслове, не заметив ответного желания примириться в его глазах-колючках, к тому же он ее перебил, надо отдать ему должное, без враждебности:

– Я не наступаю на грабли дважды. Олеся, мы не виделись несколько лет. Давай и в будущем не встречаться, ладно? И не подсылай ко мне своих инициативных подружек, Альке я обещал, что встречусь с тобой, но только для того, чтобы сказать: забудь обо мне навсегда. Живи спокойно, счастливо, а если я тебе мешаю своим существованием, то извини, тут уже ничего не поделаешь. Прощай, Олеся, желаю удачи. Альке привет.

Прихватив недопитую бутылку минералки, он зашагал по аллее к выходу из парка, шел уверенно, твердой поступью. Говорят, одна походка может рассказать о человеке многое, но Олеся, не сводившая с него глаз, так и не поняла, каким же он стал. Глупости все это. Зато в процессе короткого диалога выработалось однозначное суждение: Глеб и раньше был максималистом, с тех пор ничего не изменилось, словно годы и неудачи не повлияли на его характер.

Потеряв Глеба из виду, Олеся прикурила от зажигалки, которую тут же спрятала в боковом кармашке сумочки, застегнув его на молнию. И перевела взгляд на кусты, деревья, янтарные пятна на земле... Тоскливо как-то.

На все вопросы следователя Ия отвечала — «нет...», «нет...», «нет...». После очередного ответа он затягивал паузу, на его непроницаемом лице обозначилось выражение скуки, кроме этого, казалось, что он не верит ей. Почему, собственно, не верит? А попробуй догадайся! Потому Ия, девушка неробкого десятка, и растерялась, долдонила слово «нет» все тише и тише, опустив ресницы, так как под его ледяным взглядом ощущала себя маленькой букашкой, которую эта махина раздавит не глядя.

Наконец следователь выпустил из пальцев авторучку, шумно вдохнул, и Ия заподозрила, что надоела ему до смерти, одновременно появилась надежда: он сейчас разозлится и прогонит ее. Она побежала бы отсюда галопом.

— Ну а другие слова вы знаете? — Не прогнал ее, а жаль.

— Да.

— Уже лучше. Как же так, гражданка? Вы ближайшая подруга Виктории, но по вашим ответам складывается впечатление, что у вас было шапочное знакомство.

А вопросы какие? Склонна ли была Виктория к депрессиям? Касалась ли она в разговорах темы самоубийства? Имела ли близкого друга? Вступала ли в конфликты с коллегами и друзьями? Не была ли свидетельницей преступления? Не баловалась ли изредка наркотиками? И так далее. Как должна была отвечать Ия, если за Тошкой пороков не числилось, а сомнительных связей и подавно? Следователь не дождался от нее оправданий и сделал окончательный и примитивный

ВЫВОД:

– Выходит, вы ничего не знаете о своей подруге.

Что за человек! Ему непременно нужна червоточина, в этом случае его знания будут полными?

– Я знаю ее лучше кого бы то ни было, – произнесла первую длинную фразу Ия, но следователь не догадался, например, пошутить по этому поводу и тем самым разрядить напряженную атмосферу.

– Ну и что вы можете рассказать по данному делу? – сухо спросил он на выдохе.

То шумно вдыхает, то выдыхает, давая понять, что с тупицами работать – сущее наказание. Тупица, разумеется, она, а Ия привыкла к повышенному вниманию, восторгам, комплиментам. Какой бы ни был мужчина (низкий – высокий, толстый – тонкий, страшный – симпатичный), порисоваться перед интересной женщиной никто не откажется. Это первый мужик, причем нестарый, лет сорока, который не старался показать себя с выгодной стороны, скорее всего, он не имеет приятных сторон. Отношение следователя Ию задевало, если не оскорбляло – у нее окончательно пропало желание общаться с ним, поэтому она ответила кратко:

– Для меня смерть Виктории – неожиданность. Необъяснимая.

– И вы не знаете, кому выгодна ее смерть?

– Нет. – Хм, снова «нет».

– А ведь кто-то подпер ворота гаража, предварительно

усыпив Викторию и оставив работать двигатель. Думаю, этому человеку она доверяла, а вы его или ее не знаете. Ну а с молодыми людьми она встречалась? Парень близкий был у нее?

Ия чуть не произнесла «нет» — это слово будто запрограммировано, но вспомнила:

— Олег. Не то чтобы... они пока только гуляли, в кафе сидели пару раз.

— Фамилия?

— Не знаю. Вы можете найти его по номеру телефона, номер в трубке Виктории...

Он ввинчивал в Ию взгляд, ввинчивал... словно подозревал ее во всех смертных грехах. Оказалось, так и есть:

— А вы где были до и после того, как она вам позвонила?

— Дома.

— Кто это подтвердит?

Он правильно трактовал ее молчание: на показаниях она поставила точку. Еще с минуту следователь строчил авторучкой по листу бумаги, задал пару несущественных вопросов и отпустил. А Ия уже думала, что ей уготовано место в тюрьме, тем более страшилок о злостных правонарушителях из органов полным-полно. К машине Рудольфа она еле приползла на непослушных ногах, а когда забралась в салон, попросила его:

— Поехали отсюда...

Глеб включил зажигание, мягко тронул машину с места, а Санька подозрительно косилась на него, ее разбирало любопытство. Нет, она не экстрасенс, не угадает, лучше напрямую спросить, что она и сделала:

– Кто та женщина, с которой ты сидел в кафе?

– Хм, – ухмыльнулся Глеб беззлобно. – Следила за мной?

– Еще чего, – фыркнула Санька. – Просто решила прогуляться по парку. Мне что, глаза надо было закрыть?

– Иногда не мешает закрывать глаза. Это была моя первая любовь.

– Красивая. – Таким тоном говорят о недостатках.

– Тебя в ее тряпки наряди, и ты будешь смотреться в сто раз красивей, а она... да, была когда-то милой, обаятельной, отличницей! Мы дружили.

От наблюдательной Саньки не ускользнула нежная тональность, да и улыбчивая физиономия Глеба навела ее на убийственную мысль:

– Ты до сих пор тащишься от нее?

– Глупости, – с той же улыбкой, будто впав в легкую эйфорию, сказал он. – С чего ты взяла?

Саньку буквально подбросило от возмущения, что случилось редко. Ей стоило огромных усилий не заехать ему в ухо, а сидел он очень удобно – боком, однако она ограничилась словесной атакой:

– Физия твоя стала совершенно бессовестной, когда ты заговорил о ней. И это при мне! Дома у него Жанна с животом,

а в мечтах какая-то крыса! Пусть одетая в фирму, но крыса. Если узнаю, что ты обманываешь мою Жанку с этой... тебе не жить.

Глеб удивленно взглянул на свояченицу, а та и впрямь разозлилась: щеки запылали, глаза гневно его буравили, брови сошлись в прямую линию. Он опомнился, поняв причину ее гнева, и поспешил разуверить девушку:

– Я же сказал: *был* влюблен! А это прошедшее время, раз ты не знаешь. Выглядит она сейчас уставшей и... и жалкой. Мы с ней долго дружили, как понимаешь, не только целовались. Но когда я служил в армии, Олеся вышла замуж. Очень удачно вышла, муж у нее бизнесмен, правда, сволочь редкая. Наверное, ей тяжело с ним, но это ее выбор, стало быть, и проблемы ее. А я люблю Жанну, ни на кого твою сестру не променяю, так что не психуй понапрасну.

– Правду говоришь? – не успокоилась Санька.

– Мне что, землю есть? Тогда поедem за город, там она чище.

– Землю? – скривилась она. – Не надо, я не садистка.

– Значит, продолжим знакомиться с городом.

Он подмигнул Саньке, после чего она сменила гнев на милость. Глеб умеет убеждать без стараний убедить, ему не нужно что-то там долго доказывать, ему веришь на слово, потому что есть более значимые вещи, чем клятвы и аргументы. Он наделен мистической убедительностью, наверное, если и солжет, в его устах ложь будет выглядеть чистейшей

правдой.

Ночь. Горел лишь ночник в форме кувшинки из прозрачного пластика – наследство от бабушки. В семидесятых годах прошлого века это была модная штучка, и сейчас моден кич той эпохи. За две статуэтки а-ля фарфор, которые тогда считались верхом мещанства и стоили копейки, Аля отвалила столько, что можно подумать, их собственноручно лепил какой-нибудь древний китайский мастер. Придать интерьеру шарм не удалось, статуэтки смотрелись эклектично, Аля переставляла их из комнаты в комнату, в конце концов они застряли в спальне, ведь сюда не каждый допускается.

А его пустила, на кровать уложила, себя отдала. Она отдала бы ему хоть весь дом вместе с бабушкиным ночником и статуэтками, лишь бы он остался навсегда. Аля вела насыщенную жизнь: мужчин меняла, по странам ездила, тряпки покупала, не задумываясь о цене. Замуж не вышла потому, что не хотела связывать себя мужем и беби. Какие бебики, когда столько интересного в мире! Пирамиды майя, Ниагарский водопад, Тадж-Махал, горы Формозы, Лондон... Все видела, все попробовала. Так год за годом она откладывала создание семейного очага на потом, тем временем отец свил гнездышко для дочери в надежде, что в нем появятся внучата. И Аля надеялась: успею, еще не вечер.

Не сразу она заметила, что домой возвращается все чаще одна, а когда заметила, удивилась: что за черт, где же обо-

жатели-воздыхатели? Их просто не стало. Не то чтобы мало было, а вообще не стало. Куда это они делись как раз тогда, когда она созрела для замужества и бебиков? А все ушли в личные заботы: карьеру делали, семьями обзавелись, короче, ее бросили. Почему?! Тут-то мамина сестра с жестокостью завистливой гарпии и прошлась по ней катком:

– К твоим годам некоторые успевают развестись парочку раз, а ты еще замужем не была. И в зеркало посмотришь. Твоя любовь к экзотической кухне отложились во всех частях тела. Не спорю, полных женщин много, это не мешает им иметь мужей, только мужчины любят упругих, а не рыхлых. Ты же в тридцать пять (это было год назад) как подтаявший холодец, к тому же пропиталась насквозь sake, текилой, виски и ленью. Умерь свои запросы, перестань жрать и займись фитнесом.

Тетку живьем на костре сжечь мало, но она выдала горькую правду: да, наступил тот самый вечер, который еще недавно был далеко за горизонтом. Вечер не в смысле старость, просто время ушло. Если и крутились вокруг Альки мужчинки, так это же плебейские блохи, подбирающиеся к папиному карману...

Воспоминания взбудоражили ее, Аля повернулась на бок, подложила под щеку ладонь, чтобы подушка не мешала смотреть на свой, может быть, последний шанс – как это ни противно звучит. Света от ночника было слишком мало, чтобы видеть его целиком, но профиль выделялся, она не столь-

ко изучала, сколько его гипнотизировала: будь со мной, будь со мной. Аля поняла, что всю свою сознательную жизнь ждала именно такого человека, способного и умеющего разбудить ее атрофированное тело. Ее не покоробит, что и он может оказаться из серии плебейских блох, ищущих, чем поживиться, – пусть. Допустим, он хочет себя продать, намыкавшись по жизни, но она же не прочь купить, сделка как форма отношений – не самый худший вариант, если честно следовать правилам.

– Который час?

А она думала, он спит. Аля потянулась к нему, прижала губы к его груди, потом к скуле, покрытой жесткой щетиной, в голове промелькнуло: зачем ему время? Он тоже потянулся, но в обратную сторону, просто взял с полки мобильник.

– Половина второго, – сообщил.

В следующий миг, отбросив одеяло, он сел и включил настольную лампу, Аля всполошилась:

– Куда ты? Среди ночи?

Вот, вот она – мужская харизма: он навалился на нее без разговоров, терзал грубыми ласками, а как раз напора и силы Альке всегда не хватало, хотя она не замечала за собой склонности к мазохизму. Наверное, не те кадры попадались. Но теперь у нее, как в том анекдоте про настоящих женщин: тигр в постели, в гараже не «Ягуар», тем не менее тачка супер, на плечах – выбирай хищника по вкусу в гардеробе. Четвертый должен быть осел, который все это оплачивает, но

отца ослом назвать язык не повернется, он поворачивается у тетки, которая и прилепила к нему данное прозвище.

К огорчению Альки, тигр одевался, у него же ночная смена, а для ее понимания, штатной бездельницы, это было недостижимо: зачем какая-то работа среди ночи, когда заняться можно кое-чем приятней? Да хоть выспаться!

– Кофе свари, – приказал он.

Ну, кофе не борщ, к тому же это повод задержать тигра. Аля набросила халат и убежала на кухню, кофе варила собственноручно, а не в кофеварке, добавляя различные ингредиенты, дабы поразить его. Жаль, не утро, он получил бы кофе на подносе в постель, едва проснувшись.

Ему – кофе, себе – виски, чтобы уснуть и сладко спать до полудня. Он пил, уткнув в чашку нос и распластав по столу локти, потом вдруг замер, вспомнив:

– Мобилу забыл в спальне, принеси.

Тигр продолжал отхлебывать из чашки горячий пряный кофе, наострив уши на удаляющиеся шаги Альки. Когда же воцарилась тишина, он, не торопясь, достал из нагрудного кармана рубашки небольшой пакетик, осторожно развернул его и аккуратно высыпал в виски. Поболтав его, посмотрел стакан на свет – виски как виски, будто там нет ни грамма порошка. Поставив на место стакан, поднес ко рту чашку с кофе и, не выпив ни глотка, смотрел в темную гущу, словно гадалка.

Вернулась Аля, положила перед своим ненаглядным мо-

бильник, села напротив и не сводила с него томных и благодарных глаз. Позже она ему скажет, что настоящий кайф узнала только с ним, а также уяснила, что страсть – не выдумка киношников, она действительно существует и так жжет, так раздирает... Нет, этого не рассказать, это надо испытать.

А стаканчик с виски периодически подносила ко рту, делала маленький глоток, обволакивающий горло приятным жжением, – выпивка, особенно качественная, тоже кайф. Кофе он выпил, но не уходил, посему радостные волны накатывали на Альку: не хочет бросать ее. А смотрит-то как! Пронизывая. Или раздевая. Да Аля готова отдаться ему прямо на кухне на этом столе, да хоть на полу.

– Может, останешься? – Она протянула к нему руку через стол, затем легла на него грудью, поглаживая пальцами его кисть.

– Может... – кивнул он.

Аля вспорхнула со стула, ее немножко повело в сторону, вероятно, последние горячительные глотки были лишними. Не придав значения торможению в голове и ряби в глазах, она перешла к тигру, собралась изящно приземлиться на его колени, но пошатнулась и плюхнулась неуклюже. От неловкости Аля смущенно рассмеялась, наверняка и покраснела до корней волос, а в следующую секунду забыла о собственной нескладности – тигр присосался губами к ее губам. Аж дух захватило. Что там дух – ерунда! Он целовал ее плечи и шею, тем временем Аля, запрокинув голову, с изумлением

видела двойную люстру на потолке. М-да, вот это страсть... В глазах стало двоиться!

– Мой тигр... – мурлыкала вяло Аля, что позабавило ее, она же чувствовала себя бодро, откуда взялась вялость? – Я для тебя... все... все, что хочешь... все... только скажи... что... ты хочешь...

А стены и потолок забавно перекручивались, как матерчатые... И по телу разливалась знакомая лень... а потом все погасло... Но еще остались ощущения. Она чувствовала, как он двинул плечом – голова ее перекатилась на другую сторону...

Безвольность ее его не убедила, он взял подбородок Альки и повернул к себе ее лицо. Нормально, она в полной отключке, как труп. До дивана всего метров пять, но центнер поднять – пупок развяжется, пришлось тащить ее, держа под грудью. Кинув Альку на диван, он отдышался (тяжеловата дама, нет слов), потом забросил ее ноги и проверил окно – плотно ли оно закрыто.

Сбежал в спальню, из двух статуэток взял ту, что поменьше – почти бесцветную фигуристку на коньках, забросившую согнутую в колене ногу высоко за голову, сунул ее в карман куртки и вернулся в кухню. Свечу он принес с собой, а подсвечников здесь было навалом, он облюбовал низкий керамический, в форме древнего светильника.

Тигр долго плавил стеарин на донышке, чтобы надежно прилепить свечу к подсвечнику, ведь не редкость, когда све-

чи падают даже не от ветерка, а сами по себе. Установив ее, он опустил подсвечник на пол, присев на корточки, щелкнул зажигалкой и поднес огонек к фитилю. Свеча, потрескивая, загорелась, через минуту пламя установилось ровное и спокойное. После этого тигр повернул все газовые конфорки и, бросив последний взгляд на бесчувственную Альку, вышел из кухни, плотно прикрыв дверь.

В машине он, с безразличием глядя на дом, закурил и ждал достаточно долго, прежде чем рвануло. А рвануло так, будто бомба взорвалась, выбросив клубы пламени из окон первого этажа. Одновременно он завел мотор и дал по газам...

Смерть Виктории негативно сказалась на Ие, обе действительно были как сестры, Ия переживала потерю глубоко и сильно. Рудольф кое-как привел ее в равновесие, под его чуткой опекой она немного оправилась от удара, но вчерашний поход к следователю расстроил Ию, она даже отказывалась говорить на эту тему. Однако остались позади целых три дня отдыха вместо намеченных двух, следовало браться за работу, а переживания заглушить. Но Ия находилась все еще во вчерашнем дне, Рудольф, управляя машиной, то и дело косился на нее и наконец не выдержал:

– До сих пор ты подавлена! Не знал, что тебя так легко выбить из седла, мне казалось, у тебя сильный характер.

На его замечание она отреагировала нервно:

– Ты разочарован?

– Напротив, – улыбнулся Рудольф, дотронувшись до ее колена. – Слабая женщина пробуждает в мужчине первобытные инстинкты защитника и добытчика. Не пойму, чем он тебя так достал, что ты сама не своя? Хамил?

– Да вопросы задавал... Скажи, зачем спрашивать, имела ли склонность к суициду Виктория, если следователь точно знает, что смерть ее подстроили? Я чувствовала себя душой.

– Не обращай внимания, у них же свой стиль поведения и сто версий. Какую-то версию надо взять за основу, не так-то это просто, как я понимаю.

– Он интересовался моим алиби, значит, меня подозревает?

– Расслабься, ничего он тебе не предъявит, – ободрил ее Рудольф. – Нечего предъявить, а что пугает... плюнь! Да я заставлю его собственную лапу по локоть сожрать, если он вздумает тебя кошмарить.

Поддействовало. Ия улыбнулась, прислонила голову к его плечу и с чувством признательности произнесла:

– Спасибо. Как я раньше жила без тебя?

– Я тоже тебя люблю. Извини...

Кого обозначает мелодия звонка, Ия прекрасно знала, поэтому отстранилась от Рудольфа, нахмурившись, надо сказать, он тоже был не рад.

– Руди, ты где сейчас? – залепетала Олеся по громкой связи, он намеренно включил звук для Ии.

– В дороге, – он взял агрессивный тон. – За рулем! (Намек, чтобы она была краткой.)

– Руди, тебе надо срочно приехать...

– У меня пока нет самолета.

– Руди, Аля погибла. Взорвалась в своем доме. Насмерть.

– Взорвалась?! – опешил он. – Где она бомбу взяла?

– На кухне, – всплакнула жена. – Говорят, газ пошел. Скорей всего, Аля забыла зажечь конфорки, потом либо свет включила, либо зажигалку...

– Похоже на нее, – заворчал он. – Нажралась в лоскуты, а контроля у Альки не было и в трезвом состоянии. Надо же, обеспечила себе громкий выход на кладбище.

– Руди, когда ты приедешь?

– Как только, так сразу, – буркнул он с нескрываемой досадой и, чтобы не слышать нытья жены, отключил мобильник, не извинившись, что прерывает диалог.

Его отношение к Альке было ближе к негативному, на то есть причины, однако смерть вносит поправки в отношения. Жалко дуру. Но ее смерть помешала ему, теперь он вынужден отложить разговор с женой на тему «я люблю другую» до лучших времен, кажется, судьба снова предала его, став на сторону Олеськи.

– Кто такая Аля? – полюбопытствовала Ия.

– Олеська росла с ней, они подруги. Ну и я вынужден был терпеть Альку, с моим характером это подвиг, она была беспардонная, к тому же пила наравне с мужиками. Я не выно-

шу пьяных баб, безобразнее зрелища не бывает. Но Алькин отец – крупный бобр, в свое время помог мне, в общем, я из благодарности к нему терпел эту тупую корову.

– Не говори так, она же погибла.

– Ты не знаешь ее. Ладно, не буду. Ия, я высажу тебя возле офиса, а сам поеду... ты же понимаешь?

Она умела держать себя в руках, но сегодня не тот случай. Не сказав ни «да», ни «нет», Ия отвернула лицо к окну, конечно, ей обидно, он регулярно кормит ее «завтраками», тем не менее Ия никогда не настаивала, чтобы он бросил семью, нет-нет, идея развода принадлежит ему.

Но если бы можно было подслушать мысли, они предательски нашептали бы, что Ие, в сущности, плевать на какую-то Олесю. Нет мозгов удержать мужа, кто же в этом виноват? Уж точно не Ия, которую нельзя назвать воровкой, крадущей отца у детей, ведь любить и заботиться о них он может, не живя в одном доме с их матерью. И нельзя ее упрекнуть, что она из меркантильности спит с Рудольфом, что руководит ею голый расчет – вот уж чего нет и в помине.

Он будто угадал, какие мысли терзают Ию, сжал ее кисть, лежавшую на колене, и мягко (ах, если бы видела и слышала Олеся, не поверила бы ни глазам своим, ни ушам) сказал:

– Прости. Оттяжка ничего не значит, так сложилось. Ну, не сегодня, так завтра... через день...

– Я рискую упасть в твоих глазах, но признаюсь, мне будет плохо... мне всегда плохо, когда тебя нет рядом.

– Потерпи, Ия. Не добивать же Олеську? Хотя я согласен уже на все, потому что, как и ты, плохо переношу разлуку с тобой.

М-да, суть перемены в том, что с Ией он становится сентиментальным, его тянет на высокопарности – сам себя не узнает. Но в этом же и заключается жизнь: узнавать, преодолевать, обновляться, иначе начинается застой, ничто не радует.

– Подруга... – задумчиво произнесла Ия. – Как в моем случае.

– Что? – выкручивая руль на повороте, спросил он.

– Ничего. Совпадение, не более.

Несмотря ни на что, они отлично провели время вместе, Рудольф только укрепился в решении оставить Олесю, по-сему на его оптимистичное настроение не могло повлиять угнетенное состояние Ии.

Кабинет был похож на ремонтную мастерскую, заваленную деталями автомобилей, наверняка здесь можно собрать из запчастей парочку легковушек. Давид Наумович, с повышенным интересом рассматривая Саньку, переспросил, будто не расслышал:

– Кем-кем?

– Автомехаником, – повторила она.

– И что, у тебя, типа, образование?..

– Среднее специальное, но знаний и умения на кандидат-

ский максимум, – с достоинством отчеканила Санька.

Чувствуя, что брать ее на работу он не хочет из-за патриархального склада характера, она не отказалась от удовольствия хотя бы прорекламировать себя. А что, всем не по нраву, когда топчут их самолюбие, Санька не исключение. Тем более, как выражается Глеб, она – ядерная бомба замедленного действия, бомбе-то достаточно одного удара, чтобы взорваться, а тут почти удар: отказ.

Наумыч выпятил губу и кинул косой взгляд на Глеба, тот живо включился в диалог:

– Она, правда, толковая. У нас же есть свободное место...

– Он еще не уволен. – Фраза была равносильна отказу, и Глеб понимал Наумыча: такую возьмешь – проблем не оберешься.

– Ну, с испытательным сроком возьми, – настаивал он. – Не пожалеешь. Она не пьет, не устраивает перекуров, не придет с бодуна и тем более не прогуляет.

Пожилой человек очередной раз смерил суровым взглядом Саньку в обтягивающих джинсах и кожаной куртке с молниями, она ему явно не нравилась по многим причинам, но основная – женщина-механик, девчонка, это же нонсенс. Однако он улыбнулся, прищулив один глаз, и внезапно махнул рукой:

– Иди за мной.

Спустились по железной лестнице, которая пружинила под ногами, будто доживала последние денечки, в ремонтное

отделение. Несколько легковых автомобилей разных марок стояли хаотично, возле двух Санька заметила мужчин в рабочих робах, но они прошли в дальний угол к машине, накрытой брезентом. Наумыч при помощи Глеба стащил брезент и, положив ладонь на капот, представил:

– «Мерседес Бенц» сорок девятого года. Как новенькая, да? Кстати, ты знаешь, почему это совершенство зовут «Мерседесом?»

– Автомобиль назван по имени дочери посла Австро-Венгерской империи в Ницце, – блеснула знаниями Санька, переключившись на чудо черного цвета. – Первый «Мерседес» с 4-цилиндровым мотором рабочим объемом 5913 кубических сантиметров был собран в 1901 году, имел ведущие задние колеса, двигатель спереди и дизайн, ставший классическим...

– Люблю краткость, – перебил ее Давид Наумович и взял деловой тон: – Так вот, Саня, этот шедевр немецкого автопрома не желает ехать. Заставь его поехать, но! Начинка должна остаться родная – таково условие нашего глубокоуважаемого шефа, «Мерс» принадлежит ему.

– А я думала, вы и есть шеф.

– Что ты, – рассмеялся он, – я наемный начальник таксопарка, а он и еще два парка принадлежат... запоминай: Михаилу Михайловичу Михайлову. Очень сложно запомнить, но надеюсь, память у тебя на профессорский максимум тянет. Задание понятно? Приступай хоть сегодня, это и будет

твое испытание.

Санька выразила желание тотчас познакомиться с внутренностями шедевра, до этого в раритетах она не копалась. Оставив девушку, Наумыч с Глебом поднялись назад в кабинет, второй по пути тихо бурчал:

– Издеваешься, да? Эта груда бесполезного железа стоит пятый месяц, она плачет – так хочет в музей! Она не подлежит ремонту, если, конечно, не выпотрошить ее полностью и не поставить новые. Шеф ни хрена не понимает, так надо объяснить ему. Или ты хочешь, чтобы Михайлов увидел, как Санька копается в его раритете, и поднял хай? Ты у нас же-ноненавистник?

– На работе да. Если она такая крутая, как вы оба расписали, поставит «Мерс» на колеса, а не поставит, пусть идет официантки. За свои слова надо отвечать.

Вошли в кабинет, а там высохшая до костей Зубровка шваброй по полу елозит. Зуброва Лидия Петровна выглядела старше своих пятидесяти на добрых два десятка лет из-за пристрастия к алкоголю. По той же причине, но отталкиваясь от фамилии, и дали ей кличку, ведь «Зубровка» – известный бренд алкогольной промышленности. Она не обижалась, как большинство пьяниц в период ремиссии, Зубровка была доброй и услужливой. Увидела вошедших и перед Наумычем, которого безмерно уважала за то, что на работу ее взял, дорожку отмыла до самого стола.

– Ну и вредный же ты, Наумыч, – бросил тем временем

Глеб и, беззвучно выругавшись, ушел. Но как же было не выместить зло на двери? Всегда в первую очередь страдает она, безответная дверка пострадала и на этот раз, едва не слетев с петель.

Наумыч даже не вздрогнул, он не такое здесь видел со времен развитого социализма, привык. Возмутилась Зубровка, засеменив со шваброй к выходу:

– Дверью-то чего хлопать! Ты че, за нее платил, твоя она, да? Не, ты смотри, Наумыч, че за народ, – она двинулась назад к столу, не выпуская из рук свой инвентарь. – Никакого уважительного почитания с поклонением!

– Да ладно тебе, – отмахнулся он.

– Ага, – согласно кивнула она. – И ладно. Я тут убралась... Пойду себе, да? Домой? Ну, через часик, да?

Зубровка свое дело знает, претензий к ней не бывает, отчего же не отпустить ее пораньше? Налив душистого чаю из термоса в эмалированную кружку, Наумыч подошел к окну, из которого мастерская была как на ладони. Вот, пожалуй-ста: два мастера (один женатый, между прочим) сунули головы в нутро «Мерседеса»-инвалида вместе с девчонкой.

– Стоило появиться юбке, и все тут как тут вокруг ее задницы, – проворчал Наумыч. – Это ж никакой работы не будет.

Ия тупо смотрела в монитор, покусывая авторучку, не догадавшись занять себя игрушкой. Нет, правда, часок покидаешь разноцветные шарики и на это время полностью отключаешь мозги, что нелишне в столь загадочной ситуации.

Поскольку ее ничто не отвлекало, Ия искала в закромах памяти, когда и о чем говорила Виктория. Хотелось дать хоть самое примитивное объяснение ее смерти, но она не припомнила ни одного момента, проявившего Тошку с потайной стороны. Вероятно, тайных сторон та все же не имела. Точно-точно, иначе Виктория вела бы себя странно, стало бы заметно по ее поведению или фразам, по лицу или глазам, если бы с ней творилось что-то не то. А Виктоша была обычной, повседневной, не изменяющей своим привычкам! Получается, убийству ничто не предшествовало? Но так не может быть! За что же ее? Почему? Кому, как не Ие, ответить на этот вопрос? А ответа у нее даже приблизительного нет, точнее, версии нет. Зато есть тревога. Как будто внутри сидит какое-то существо, сжалось до комочка и дрожит от страха, дрожит...

– Да пошла ты!.. – резануло слух крепкое словцо, без сомнения, адресованное бухгалтеру Римме Таировне, больше-то женщин в офисе не бывает, кроме уборщицы, которая приходит рано утром.

Поневоле Ия очнулась и, увидев, как вдоль стеклянной мозаики стены стремительно шагает Варгузов с видом свирепого тузика-дворяниги, приуныла.

Рудольф имел небольшой офис скромного вида – пустых трат он не выносил. Помещение выкупил в лучшие времена, сделал ремонт, там, где было можно, воздвиг эффектные стены из стеклоблоков, обставил его современной и качественной мебелью – тут он денег не пожалел. Не обзаводился Рудольф и длинноногими секретаршами, ибо бездельникам он не платит, а отпечатать на компьютере бумажки и взять телефонную трубку найдется кому. Обычно офис пустовал, как сегодня, и Ия занервничала: по всей видимости, сейчас Варгузов начнет бузить, а она не готова к скандалу.

Вот и он. Остановился, едва переступив порог, а дышит... а ноздрями шевелит... будто он бык, который гонялся за матадором и успешно загнал его в угол. Вон и его глаза навывкате налились кровью, пальцы сжал в кулаки – чего доброго, побьет ее. Тем не менее Ия излучала покой и ни в коей мере не показывала истинного своего состояния.

– Где он? – прохрипел взбешенный бык, хотя, если честно, для быка был Варгузов мелковат.

– Рудольф Тимофеевич? – спросила Ия, ведь дурацкие вопросы существенно снижают накал, так она полагала.

– А что, тебя еще кто-то трахает?

М-да, мелковат он не только внешне. Понятно, что ему нужно унижить ее, тем самым нанести оскорбление Рудоль-

фу, а казался вполне приличным человеком. Ия проглотила откровенное хамство, за которое по роже бьют. Был бы здесь Рудольф, Варгузов уже валялся бы на полу с расквашенным носом. Не следовало давать ему повод продолжать в том же духе, но она дала:

– Что вы себе позволяете?

– Ты же у него штатная подстилка, должна знать, где твой...

– Прекратите! – повысила и она голос. – Первое: я не знаю, где Рудольф Тимофеевич. Второе: кто и что со мной делает, а также кто я такая, никого не касается, кроме меня. И третье: убирайтесь вон.

Варгузов кинулся к ее столу, но Ия выдержала натиск и даже не подалась назад, а у него не поднялась рука на женщину, он только кулаки водрузил на столешницу и процедил ей в лицо:

– Передай ему: я не проглочу подлянку, не-ет, пусть не надеется. Он возместит мне убытки, иначе я вас...

И вдруг Варгузов, будто ветром гонимый листок, отлетел от стола и врезался в стену, слава богу, капитальную, а не стеклянную. На его месте стоял Борис – зам Рудольфа, точнее, управляющий одного из предприятий. Ия и не заметила, как он вбежал, но поняла, что Боря все слышал. Кстати, не только он, посему она стыдливо опустила длинные ресницы, слушая продолжение угроз Варгузова:

– Всю вашу кодлу разворочу! Уроды! В суде доказать ни-

чего не смогу, но есть другие способы отплатить. Подонков надо учить! И я вас проучу...

Борис «помог» ему найти выход, схватив за шиворот, – Варгузов ростом был далеко не исполин, затем молодой человек вернулся наверняка за благодарностью, Ия, так и не поднимая глаз, выговорила:

– Спасибо, Боря, ты вовремя появился, иначе я совершила бы преступление.

– Что это Варгузова так понесло? – упав на стул напротив нее, осведомился заместитель Рудольфа. Впрочем, меньше всего его интересовал потерявший над собой контроль Варгузов, Борис получил повод заговорить с Ией, а она не могла избежать диалога, что парня очень устраивало.

– У них свои дела с шефом, – уклончиво ответила Ия. Когда тебя во всеуслышание оскорбляют, кураж невозмутимой леди испаряется, ведь она не бесчувственное бревно.

– Он угрожал, – сказал Борис. – Значит, что-то серьезное произошло, а ты... ты же в курсе дел шефа. Логично, что и тебе досталось.

– Я не в курсе, – заявила она, притом запальчиво, и наконец подняла свои дивные очи, чистые и глубокие. – Все вопросы к шефу.

– Не сердись, Ия. Не хочешь говорить, не надо, но... – Борис подался к ней, уложив локти на стол и провокационно улыбаясь. – За тобой должок. Если бы не я, мы недосчитались бы в своих рядах главного менеджера.

– И что ты хочешь?
– Не пугайся, всего лишь... Вечером скажу, угу?
– Угу. – Как только он ушел, Ия схватилась за телефон. – Рудик, прости, это важно...

Изматывающая атмосфера. Чуждая Рудольфу, ведь он, находясь под воздействием чар Ии, бессознательно стремился перенестись к ней, но не мог, оттого и слонялся с кислой миной, не зная, куда себя деть.

Особняк родителей Альки строился одним из первых в городе, в задачу главы семьи входило стать первейшим, а первенство, как известно, должно побить какой-никакой рекорд. Отец Альки увлекся гигантоманией и выстроил здоровенную коробку из кирпича – ноу-хау того периода, – демонстрирующую и по сей день: здесь живут богато. Впрочем, двадцать лет назад представления о богатстве были очень убогими, как и воображение, потому дворец получился в результате хатой, только в три этажа. Внутри трехэтажная хата перестраивалась сто раз и выглядит сейчас шикарно.

Мать Альки не показывалась, во дворе дежурила «скорая», стало быть, здоровье несчастной женщины под угрозой, а отец с безучастным выражением сидел в кресле в гостиной и сжимал в руке сотовый телефон. Иногда ему звонили. Иногда к нему подходили и шепотом что-то выясняли. Олеся сидела подле него, время от времени подносила ему стакан с водой, а то и на правах хозяйки вела переговоры с

какими-то людьми, но если решить проблему самостоятельно не могла, подводила их к главе семьи.

А Рудольф маялся. Он что, оживит Альку? От его присутствия кому-то легче станет? К тому же где предмет страданий? Его нет, ибо ту, кого старательно оплакивают, разнесло в клочья.

Позвонила Ия, он вынужден был выйти на террасу, где сновали знакомые и незнакомые люди, и шепотом предупредить:

– Сейчас не могу говорить, позвоню позже.

– Рудик, подожди! Приходил Варгузов, он просто озверел...

– Да гони ты его!

– Прогнала. Но он угрожал... Рудольф, мне страшно, после всего случившегося я боюсь за тебя, он же на все способен...

– Может, и способен, но никогда не решится. Не кисни, я постараюсь вырваться чуть позже. – И совсем тихо добавил: – Целую тебя. Жди...

Только сделал разворот на сто восемьдесят градусов, чтобы найти тихий уголок да вздремнуть, и чуть не столкнулся лоб в лоб с Лелей – приятельницей жены. В сущности, их всех можно назвать друзьями, не беря в расчет прохладные отношения. Учились вместе, стало быть, знают друг друга чуть ли не с пеленок, и настолько хорошо знают, что тайн как таковых между ними быть не может, это печально и очень

неудобно.

Эффектная Леля была оригинальна хотя бы тем, что излучала холодный вселенский покой, бесстрашна, как мраморная статуя, никогда не угадаешь, что у нее на уме. Сигарета в ее мундштуке погасла, Рудольф щелкнул зажигалкой и поднес огонек, затем тоже прикурил, не решаясь обойти даму, а Леля стояла на его пути твердо.

– Скучаешь? – Ох, не к добру ее вопрос.

– Скучаю, – признался Рудольф, по привычке завибрировав и гадая, что ей удалось услышать. – И не понимаю, почему я должен здесь торчать?

– Чтобы оказать моральную поддержку родным Альки, это называется милосердием. А с кем ты так умильно беседовал только что по телефону?

– С моим менеджером.

– М! Ты всегда на прощание целуешь менеджера?

– А тебе, прости, какое дело? – игриво спросил он.

Она улыбнулась. Так улыбается гадюка: открывается рот, а выражение глаз обещает быструю, но мучительную смерть. Тех, кто его давно знал, Рудольф не жаловал, соответственно не любил и Лелю.

– Олеську жалко, – сказала она, выпустив вверх неимоверной длины струю дыма. – Ты никогда не отличался верностью, но и к своим пассиям относился более чем прохладно, а сегодня... Ни разу не видела у тебя такой умильной физиономии. И голос не узнала, в нем появились человеческие

нотки, душевность... Ново, ново. Но главное, ты не очень-то стараешься скрываться, а это значит, капитально увяз. Неужели Олеся не чувствует, не видит, что под ней трещит днище семейного броненосца?

М-да, разделала его, как мясник тушу. И вдруг Рудольф вспомнил, что развязка-то близка, так чего он боится? Олеся оберегала его личное пространство, как бы то ни было, а Рудольф дорожил этим и когда-то не хотел потерять, но теперь желания у него прямо противоположные. Он осмелел, дав понять, что на подозрения Лели ему чихать:

– Не пробовала пользу народу приносить? Говорят, это неплохое средство от стервозности.

– Да я же одну пользу и приношу! Тем, что ничего не делаю. Я просто наблюдаю, это очень интересно.

Совсем не обиделась, наверное, «стерва» в ее понимании – комплимент. Рудольф загасил сигарету и развел руками, дескать, больше не могу потратить на тебя ни минуты, ушел в дом, так и не поняв, чего это она к нему прицепилась. Олеську нашел в том же кресле, в той же позе готовности, стояло Малкину лишь бровью шевельнуть – как она угадывала его желание. Рудольф жестом подозвал жену, Олеся резво подхватилась (по привычке), но, вспомнив о смерти в этом доме, бесшумно подошла от кресла к нему.

– Слушай, я злюсь, – намеренно забрызжал Рудольф, по его расчетам, жена сама его должна выгнать, чтобы он не ставил ее в неловкое положение. – Это что, новая традиция –

торчать у родственников покойника, когда даже день похорон не назначен?

– Хочешь уйти?

– Ты догадлива, – фыркнул он. – А тебе не надоело быть декорацией к взорванной подружке?

Глаза Олеси забегали по сторонам, как мышки по полкам, и шепотом она промяукала:

– Руди, тише, тебя могут услышать. И как ты можешь называть меня декорацией?! – Нет, она не скандалила, не ныла, даже легкого упрека не слышалось в ее голосе, напротив, говорила любя. – Мы с Алькой вместе столько лет... просто не верится. Ладно, поезжай на работу, а я, наверное, и ночь проведу здесь, маме Альки плохо.

– Как хочешь, – он пожал плечами, мысленно радуясь внезапной свободе. – А я поехал, у меня до фига дел, деньги сами по себе с неба не падают.

– Руди, ты не слышал? Одна женщина... она живет по соседству с Алькой... утверждает, что ночью Аля приехала домой не одна... с мужчиной...

– Да? А фрагменты мужчины нашли?

– Нет. Но полиция ищет свидетелей, они прорабатывают версию...

– Убийства? – Он усмехнулся скептически: собственно, все, что ни скажет жена, он заранее отвергал, даже если она права на сто процентов. – Брось. Твоя Аля, по причине склада своего ума, точнее, его отсутствия – уж извини, не могла

ни навредить, ни помешать кому-либо так, чтобы захотелось ее убить.

Но подумал: «Разве что я мог». Да, не раз у него появлялось такое желание. Олеся вышла проводить его, напомнив, чтобы завтра он не забыл надеть чистую рубашку и белье. Стоило Рудольфу очутиться за пределами дома, он ускорил шаг и забыл о существовании жены, а выезжал со двора так и вовсе с чувством счастья.

К Олесе неслышно подошла Леля, провожая машину Рудольфа глазами, провешала:

– Не боишься, что твой Рудольф завел любовницу и стремится к ней душой и телом? Мужчины на подходе к сорока склонны не только к изменам, но и к переменам. Это опасно, в таком состоянии они хотят разорвать все прежние связи.

И что Олеся? Посмотрела на вещунью снисходительно и с жалостью, улыбнулась, как улыбаются взрослые люди, когда ребенок мило и убежденно лепечет о том, чего не может понимать в силу своего нежного возраста.

– Любовница? Нет... – сказала Олеся. – Надо не знать его, чтобы такое придумать. Ты... ты позавидовала мне, да? И правильно, я сама себе завидую. Лелька, больше никогда не говори о моем муже плохо, очень прошу тебя, никогда.

Она вернулась в дом, а Леля... Леля была шокирована, что тотчас вылилось в коротком монологе-раздумье:

– Должно быть, ему очень удобно с ней жить, умных можно найти на стороне, они быстро надоедают. Но Олеська... в

чем ее удобство? А может, так и надо – ничего не замечать?

Он не зверь, Альку жалел, как-никак за плечами много-летний стаж общения, но она долго портила Рудольфу кровь, поэтому его жалость имела границы.

Однажды Алька случайно застучала его с телкой, свободной от комплексов, прямо у него в доме. Ну, увлеклись, не слышали, как пришла Аля (в запале Рудольф забыл запереть дверь), и побрела на звуки, как корова на рожок пастуха, да и забрела в спальню. Об этической стороне ее поступка лучше не говорить, она Альке была неизвестна, следовательно, подумать, что в спальне Олеся может заниматься любовью с мужем и что мешать им неприлично, она не догадалась. Но как вознегодовала! Будто Рудольф приходился мужем ей, а не Олеське! Что ему оставалось? Разумеется, откупиться. Года три Алька шантажировала его, вымогая дары, которые ей совершенно не нужны, у нее и без спонсорской помощи полное изобилие. Ему казалось, это для нее дело принципа: я знаю твой грешок, хочешь, чтобы он остался между нами, раскошеливайся. Но выяснилось, что он ошибался.

Месяц назад Аля снова намекнула: мол, ты помнишь, что я помню? А Рудольф ей: «Бегом марш меня сдавать. Беги, беги, облегчишь мою задачу. Ты и твоя Олеська осточертели мне, достали, у меня на вас обеих аллергия и токсикоз, как у беременных». Не сдала, к его огорчению! Рудольфа жаба

чуть не задавила: столько лет зря выплачивал контрибуцию, а она попросту издевалась над ним, держала в страхе. Как же он не просчитал, что Алька не сдала бы его ни при каких обстоятельствах? Скорее прихлопнула бы Руди, если бы он вздумал сдать себя сам или, того хуже, бросить Олесю. Жену все жалели. Почему? Что в ней есть, вызывающее жалость? Это загадка! Но даже он, человек в достаточной мере циничный и эгоистичный, не может поставить ее перед фактом измены, хотя каждый раз готовится это сделать.

В комнате, погруженной в ночной мрак, Рудольф приподнялся на локтях, уловив, что в замке поворачивается ключ. Ия! Он подскочил, улыбаясь. Свет не включал, скользнул в прихожую, где Ия ощупывала стену в поисках выключателя. Его-то глаза привыкли к темноте, он нашел ее быстро, взял за плечи...

И вдруг раздался дикий, совершенно неожиданный вопль, как будто кого-то пытаются паяльной лампой. В следующий миг Рудольф врезался спиной в стену – Ия оттолкнула его и продолжала кричать.

– Ия! – До чего же неудобное имя, две гласные буквы не заглушили вопль ужаса. – Это я, Рудольф! Рудольф! Ау! Ия! Ты меня слышишь?

– Ру... – Бедняжка едва не умерла. – Ты?... Это ты?

– Я, я, – рассмеялся он, осторожно обнимая ее. – Что это с тобой? Чего ты испугалась? Здесь же, кроме меня, никого не может быть.

Ия склонила голову ему на плечо и всхлипывала – дуреха:

– Но ты... ты только пообещал... Я не знала, что ты здесь.

– А я сбежал из дома скорби и решил немного поспать. –

Он нащупал выключатель, и мягкий, рассеянный свет осветил прихожую. А когда Рудольф посмотрел в лицо Ии, взяв ее за подбородок, и ему стало не до смеха. – Да ты бледная, как... Идем. Воды принести?

– Нет-нет, не надо. Сейчас пройдет.

Рудольф уложил ее на диван и все же принес стакан воды, Ия уже улыбалась (хотя и вымученно), ее щеки порозовели. Воду он заставил ее выпить, потом обратил внимание, что время очень позднее, и, естественно, пристал с расспросами:

– Где ты была, почему пришла так поздно?

– Думаешь, мне хотелось возвращаться сюда? Тебя нет, что бы я здесь делала одна? Я... – Лгать нехорошо, но иногда ложь бывает святой. – Я гуляла.

– Но тебя что-то напугало, я же вижу. Мне показалось, это случилось до того, как ты вошла. По-моему, ты бежала...

– По лестнице поднималась...

Опять солгала. Она не бежала, а убегала. Убегала, как заяц от охотников, рискуя поломать ноги в туфлях на высоких каблуках. Не следовало идти в кафе с Борисом, но такую плату он потребовал за спасение от Варгузова. Если бы она не согласилась – тогда не поссорилась бы с ним и не встретила бывшего мужа, потом не осталась бы одна на пустынных улицах, дышащих угрозой.

Ия обхватила колени, накрытые клетчатым пледом, опустила на них голову и молчала, сейчас ее страхи казались ей глупыми, но они никуда не делись, Рудольфа они касались тоже.

– Что меня напугало? – после паузы проговорила она тихо, скорей всего, вдумываясь в смысл его простого вопроса, на который, к сожалению, так же просто не ответишь. – Когда не могу чего-то объяснить себе, я все равно буду об этом думать, думать... И чем дольше не могу объяснить, чем непонятней ситуация, тем больше я теряюсь и... и начинаю бояться. Так было не всегда, но сейчас...

– Ты о Виктории? – угадал Рудольф.

– О ней. С ее смертью... это же не обычная смерть, ее кто-то подстроил... Я ничего не понимаю, Рудольф! Я знаю, чувствую, что этого не должно было случиться. А раз есть, то почему? Меня это беспокоит, очень беспокоит. Тошка была самым беззлобным, безобидным и скромным человеком. При всем при том она не казалась глупой, чтобы влезть куда-то... О боже, о чем я! Куда она влезла? Это исключено априори! А теперь... мне неприятно об этом говорить... но если ее вот так убили, то и меня могут... а вместе со мной и тебя... И откуда придет убийца, я не знаю! Мне он чудится везде, и поэтому так страшно.

У нее дрожали губы, подбородок, тонкие пальцы, которыми она то и дело убирала со щек пряди волос. Рудольф проявил максимум чуткости – не перебивал ее и не успокаивал

фальшиво-бодреньким тоном, мол, крошка, это нервы, все пройдет, хотя в глубине души ее страхи не принимал всерьез. Он притянул Ию к себе, обнял и гладил по голове, спине, плечам, давая понять, что она не одна, они вместе. Под его руками она размякла, прижималась все теснее, но вдруг отстранилась и заглянула ему в лицо, вспомнила:

– Рудик, а что с твоей подругой? Почему она... умерла?

– Пф! – погладив ее по щеке, фыркнул он. – Если бы она была моей подругой, я бы удавился. Не паникуй и не связывай обе эти смерти, Аля банально подорвала себя.

– Как это?

– Напилась, а квасила она – будь здоров, открыла газовую конфорку и, наверное, тут же забыла, зачем. А через какое-то время, например, шелкнула зажигалкой, прикуривая, и разлетелась вместе с кухней на куски.

– Рудик, тебе как будто не жаль ее.

– Знаешь, не жаль, – признался он вызывающе. – А если и жаль, то немного. Да, я такой... нехороший. Бабе боженька дал все, о чем мечтают миллионы, кроме мозгов, ну, не хватило серого вещества на Альку. Так бездарно прожигать жизнь, как она... И ей было не скучно, представляешь? Лежать сутками – не скучно! Числилась у отца на фирме, но в бизнесе ни черта не понимала и радовалась, что она такая дура.

– Просто она не нашла себя, – встала на защиту погибшей Ия. – Не все способны заниматься бизнесом. Но меня беспо-

коит... не знаю, как это сформулировать... Виктоша – моя подруга, Аля – подруга твоей жены, обе погибли при странных обстоятельствах. Если бы мы с тобой не поехали к Вике в ту ночь, ее смерть выглядела бы как несчастный случай... как и смерть Али... Мне неспокойно, видится некая связь между...

Рудольф со стоном обнял ее, потом рассмеялся, ведь смех сводит на нет внутренний трепет сомнительного происхождения:

– Ия! Прошу тебя, не нагнетай пустых страхов. Давай соорудим ужин, после обещаю любить тебя так, что все свои страхи ты позабудешь.

Ужин и немножко вина – это прекрасно. Вот когда четыре стены вокруг приобретают значение надежного убежища. Раньше Ия не задумывалась, что иметь свой дом действительно большое счастье, которое измеряется не только присутствием любимого человека на одном с тобой пяточке, но и безопасностью.

Давать показания – слишком много хлопот себе прибавить и время впустую потратить. Конечно, люди неохотно идут в свидетели. Поэтому на граждан, стоящих на верху социальной лестницы и способных дать показания, бросают опытных оперативников, которые умеют подобрать ключик к самым капризным и спесивым людям. На этот раз двум представителям полиции повезло, из трех свидетелей, живущих в благополучном квартале рядом с Малкиной Алевтиной, ни один не отказался помочь. Даже суперважный мужчина из трехэтажного особняка, видевший, как Аля приехала домой, пригласил дознавателей в дом и угостил прохладительными напитками.

– Я бы рад, да мне нечего добавить, – сказал он, расположившись в огромном кресле. В этот момент пожилая женщина принесла на подносе запотевший кувшин с малиновым напитком и стаканы. – Прошу вас, это наш фирменный компот.

– Мы хотим уточнить детали, – вступил в диалог майор Баталов, производивший приятное впечатление. – Вы же понимаете, что нужно исключить...

– Убийство? – поднял густые брови хозяин и усмехнулся. – Маловероятно. Аля ничего собой не представляла, вот если бы ее отец взорвался, я бы первый подумал об убий-

стве. Но будь по-вашему. Я работал допоздна, а кабинет находится на третьем этаже, люблю высоту. Выходил покурить на балкон, так и увидел, что Аля приехала с высоким мужчиной. Молодым. Но не на своей машине, полагаю, на его. Так, цвет я называл, марку тоже, он ведь и днем пару раз заезжал за ней...

– А номер не вспомнили? – спросил Баталов.

Хозяин засопел и развел кисти рук в стороны. Ничего удивительного, что не вспомнил. Ну, кто обращает внимание на номер незнакомой автомашины, припаркованной на улице в районе особняков? Раз стоит, значит, надо. Тем не менее хозяин порадовал их дополнением:

– Но я вспомнил, что мужчина работает, по-моему, таксистом. На крыше машины стоял маячок, правда, не горел. Может, это полицейский маячок или еще какой, но был точно.

– А приехали они...

– Примерно в половине двенадцатого. Свет горел только внизу, верхний этаж был темным. А где-то после часа ночи я снова курил, и вдруг загорелся свет в спальне, шторы были не задернуты, окна напротив... в общем... у них роман.

– Отец Малкиной говорил, что у нее любовников не было, – заметил лейтенант по фамилии Сирин, симпатичный юноша.

– Ай, бросьте, – вяло отмахнулся хозяин дома. – Аля была взрослой женщиной, что же, ей каждого, с кем она спит, папе

показывать?

– Она не отличалась разборчивостью в связях, да? – заинтересовался майор. – Таксист – это как-то несерьезно для гламурной барышни.

И вызвал негодование гостеприимного хозяина:

– Да не будьте вы как старые бабки, погулявшие в юности ой-ой как, а к старости ударившиеся в святость. Молодая, здоровая, незамужняя и не в монастыре жила, слава богу. А таксист – это еще ни о чем не говорит, вон у меня на заводе в основном люди с высшим образованием пашут. Где есть работа, там и пашут.

– Вы правы, – согласился майор. – А в котором часу рвануло?

– С точностью до секунд не скажу, я только-только заснул, и вдруг как даст! Будто на войне, ей-богу. Мы с женой подскочили, к окну кинулись, а там дым и пламя. По-моему, было около трех ночи.

– Что-нибудь еще припомните?

– К сожалению... – вздохнул он, затем задумался ненадолго и посоветовал: – Сходите в соседний дом, там охранник всю ночь дежурил, может, он видел то, что вас интересует, но вы ведь не говорите, что именно.

Майору трудно было сдержать усмешку, но он сдержал, поблагодарил и попрощался, а на улице сказал юному коллеге с ухмылкой:

– Слышал? «Может, он видел то, что вас интересует, но вы

не говорите, что именно». Чудно. Им кажется, у нас шпионские игры, на худой конец, классика детективного жанра. А у нас – ноль. Ну? Заглянем к соседям?

В это же время Рудольф, крутя одной рукой руль, второй прижимал к уху мобильник, изредка ему удавалось вставить:

– Послушай... Это бизнес... Дай мне сказать... Даже так?..

Его все меньше занимала дорога, если вообще занимала, Ия вынуждена была положить ладонь на плечо Рудольфу и попросить:

– Останови машину, ты же не хочешь, чтобы мы погибли?

Какая удача – он услышал ее. Рудольф как раз подъехал к перекрестку, так что просьбу ее выполнил и, едва свернув на спокойную улочку, заглушил мотор. Далее Ия собственными ушами слышала, как Варгузов кроет его по-черному:

– ...не оставлю, потому что такие, как ты, не должны побеждать. Ты вор. Нет, хуже! Хуже!!! Вор крадет у посторонних людей, и он использует мастерство, которое наработывал всю жизнь, стало быть, его добыча – это награда за постоянный труд. А ты пользуешься доверием знакомых людей. И не своим трудом, не умом или знаниями, а подвешенным языком и репутацией. Ты страшный человек. Без стыда, совести, чести...

– Хватит! – гаркнул Рудольф. Зная, что Варгузова сейчас снова заклинит на обличительном монологе, он был кра-

ток. – Оскорблений я наслушался, и знаешь что? Выворачивайся сам, я тебе помогать не буду.

– Конечно, не будешь! – сардонически рассмеялся тот. – Короче, спокойной жизни не жди, свое я заберу! У меня нет желания делать тебе подарки. Нет, один я сделаю, и ты его запомнишь.

В трубке послышались гудки, Рудольф сидел недвижимо, Ия забрала телефон и отключила, после робко спросила:

– Зачем ты слушал его? И так понятно, что он бесится.

– Хотел выяснить, что он намерен предпринять.

– Так он тебе и сказал!

– Варгузов сейчас на сильных и неконтролируемых эмоциях. В таком состоянии человеку свойственно угрожать, он одержим мстью. Но мы находимся на расстоянии, в его запасе остаются лишь словесные оскорбления, слава богу, ты их не все слышала. А второе средство – досадить недругу, в этом случае выбалтывают в запале план действий, источник сведений и много еще чего.

– Не знала, что ты психолог.

Ия не хвалила его, нет-нет, в ней сейчас и близко не было того умиления, которое она испытывала обычно наедине с ним. Она погрузилась, но Рудольф этого не заметил, он погрузился в себя, нервно постукивая пальцами по рулю, и внезапно взорвался:

– Меня интересует, откуда он узнал!

– Какая разница? Все равно узнал бы...

– Да, да, да! Но позже. Не сегодня. Я не подготовился.

– Но ты же обманул его.

Ия постеснялась обидеть Рудольфа, ведь есть более емкие и точные слова: обокрал, обобрал, обошелся как с лохом. И еще найдется с десятков синонимов, народ умеет удивительно красочно и разнообразно охарактеризовать одну-единственную подлость. А вот Олеся не посмела бы даже намекнуть на нечестность Рудольфа, да что там намекнуть – подумать!

– А меня не обманывали? – заворчал он. – Я делал выводы и шел дальше.

Ия не приняла его объяснение, да и ее настроение заметно испортилось. Рудольф связал это с Варгузовым, и если бы тот случайно попался ему сейчас на глаза, он оторвал бы Толику руки-ноги, заодно разрядился бы. Но он ограничился тем, что притянул Ию к себе, обнял и, целуя, пожаловался:

– Пойми, у меня не было выхода, я хочу избавиться от балласта, но не даром же его отдавать! Олеську обязательно надоумят делить мой бизнес, на ее сторону встанут наши знакомые и предоставят ей адвокатов, которые не просто снимут с меня последнюю шкуру, а обдерут до скелета. Это как отнять у матери ребенка.

Находясь в состоянии влюбленности, Ия не осмелилась указывать ему на недостатки, она же не учительница, а любящая женщина. Но внутри-то было беспокойно, она невольно перебирала причины тревоги, и это рождало вопросы, один вырвался наружу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.